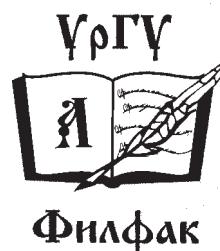

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ОСНОВЫ СТИЛИСТИКИ И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Материалы к семинарским
и практическим занятиям
для студентов III курса
филологического факультета

Специальность 031001 «Филология»
Направление 031000 «Филология»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2006

Составитель И. Н. Борисова

От составителя

Практикум адресован студентам III курса филологического факультета и обеспечивает семинарские и практические занятия по дисциплине «Культура речи и стилистика».

Структура методической разработки соответствует требованиям федерального компонента к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки дипломированного специалиста по специальности «Филология, русский язык и литература» (031001), бакалавра, магистра по направлению «Филология» (031000) по циклу «Общепрофессиональные дисциплины» государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования.

Практикум состоит из двух частей. Первая часть предназначена для подготовки к семинарским занятиям. Она содержит вопросы к семинарам, методические ориентиры для подготовки ответов на эти вопросы, хрестоматийные тексты для конспектирования, краткую характеристику практической работы, а также списки рекомендуемой дополнительной литературы по темам семинаров. В хрестоматийных текстах полужирным курсивом выделены опорные понятия дисциплины.

Вторая часть разработки, представленная в виде трех приложений, включает контрольные (образцы итогового теста) и справочные (корректурные знаки, используемые при разных видах правки) материалы, а также тренировочные задания и тексты для практикума по литературному редактированию.

Семинар 1

ПРОБЛЕМЫ ОРТОЛОГИИ

Вопросы для обсуждения

1. Типы норм. Возможности ортологических классификаций.
2. Языковые (системные) нормы и проблемы кодификации.
3. Языковая личность и норма. Эксплицитные и имплицитные нормы.

Методические ориентиры

При подготовке к первому вопросу следует проработать статью Е. Н. Ширяева о теоретической концепции культуры речи и основанной им классификации типов норм языка. Читая статью А. Едлички, обратите особое внимание на концепцию заголовка, обзор классификационных принципов и сущностную характеристику трех типов норм (языковых, или системных, коммуникативных и стилистических). Изучая работу Л. И. Скворцова, полезно выявить принципы и аспекты классификации норм языка и соотнести соответствующие типы норм с живой речевой практикой.

При подготовке ко второму вопросу следует определить соотношение нормы и кодификации (В. А. Ицкович), очертить проблемы нормирования русского языка (Л. К. Граудина). Изучая (по выбору) главу из учебника Б. Н. Головина или раздел классического труда В. И. Чернышева, следует разобраться в логике нормализации, определить принципы систематизации норм и основные критерии культурно-речевых рекомендаций. Сравните принципы лингвистического прогнозирования (процедуры кодификации), предложенные исследователями (В. И. Чернышев, В. А. Ицкович, Л. К. Граудина).

При подготовке к третьему вопросу необходимо установить значение типов речевых культур (О. Б. Сиротинина) для характеристики языковой личности (Ю. Н. Караполов, В. И. Карасик: см. семинар 2) и роль ортологической культуры в повседневной и профессиональной речевой деятельности человека; определить соотношение понятий *ошибка – прием, тип ошибки – уровень (или тип) культуры, нормативность речи (или речевого поведения) – речевой портрет*.

Обобщая наблюдения Л. В. Щербы, Р. И. Авансесова, О. Б. Сиротининой, сделайте выводы о двух формах существования культурно-речевых норм: эксплицитной (кодифицированной, закрепленной в словарях, грамматиках, справочниках) и имплицитной (существующей в коллективном сознании членов культурно-языковой общности). Соотнесите эти выводы с наблюдениями над собственным типом речевой культуры и оценками, прогнозами и возможными рекомендациями.

Виды практической работы

1. Наблюдения за правильностью речи небольшой социальной группы (например, студентов одной академической группы, своей семьи) или отдельной личности; краткое описание результатов в виде устного монолога.
2. Самонаблюдения за правильностью речи; вывод об уровне нормативности, типе речевой культуры и отношении филолога к ортологическому качеству собственной речи.
3. Разбор записей живой устной речи с позиций теории нормы и типологии речевых культур.
4. Прослушивание магнитофонной (видео-) записи устного монолога с нарушениями норм литературного языка; определение, квалификация и исправление речевых ошибок.

Список рекомендуемой литературы

- Авансов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972. Введение. С. 8–28.
- Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1990. Гл. 4: Правильность речи: нормы грамматики.
- Караполов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Культура парламентской речи. М., 1994. Гл. 2: Языковые нормы и парламентская речь (один из параграфов по выбору).
- Культура речи и эффективность общения / Под ред. Е. Н. Ширяева. М., 1996.
- Скворцов Л. И. Актуальные теоретические вопросы культуры речи // Основы культуры речи: Хрестоматия. М., 1984. С. 12–26.
- Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи: Опыт стилистической грамматики // Там же (один из параграфов по выбору).

МАТЕРИАЛЫ К СЕМИНАРУ

Е. Н. Ширяев¹

КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК ОСОБАЯ ДИСЦИПЛИНА

Общее определение понятия «культура речи»

В основу теории культуры речи как особой лингвистической дисциплины предлагается положить следующее рабочее определение этой дисциплины.

Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Попытаемся доказать необходимость каждого из составляющих этого определения. Всего их пять, в том числе три компонента культуры речи: 1) нормативный; 2) коммуникативный; 3) этический, а также 4) выбор и организация языковых средств как необходимое условие достижения нормативности, этичности и хороших коммуникативных свойств речи; 5) эффективность общения как конечная цель культуры речи. <...>

Культура речи начинается там, где язык предоставляет возможность выбора и разной организации своих средств для наилучшего достижения поставленных целей общения. Выбор и организация языковых средств осуществляются на разных уровнях языковой системы для всех компонентов культуры речи. Вопрос о норме возникает тогда, когда есть два и более претендента на нее. <...>

<...> Для достижения коммуникативного совершенства текста одинаково важны и выбор, и организация языковых средств как в рамках предложения, так и в рамках текста.

<...> Необходимо ясно представлять, что культура речи как научная дисциплина невозможна без опоры на нормативные словари и грамматики. Но, с другой стороны, из этого не следует и то, что культура речи – это не самостоятельная дисциплина, а «выжимка»

из системных нормативных описаний языка. Во-первых, именно культура речи ведает кодификацией нормы, и поэтому связь нормативных систем описаний языка и культуры речи в ее нормативном компоненте двусторонняя. А во-вторых, и это главное, ни одно системное описание языка не ставит своей целью определить способы достижения максимальной эффективности общения.

Эффективность общения – это тот «конечный продукт», создание которого должна облегчить теория культуры речи при ее практическом применении. Под эффективностью общения мы понимаем оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных целей.

За эффективность общения отвечает в первую очередь коммуникативный компонент культуры речи, но это не означает, что нормативный и этический компоненты незначимы для эффективности общения. Нарушение нормативности может привести просто к непониманию. Задача культуры речи как особой лингвистической дисциплины требует объединить все три компонента культуры речи в единой цельной теоретической концепции. Один из мотивов такого объединения уже назван: все три компонента работают на достижение одной цели – эффективности общения. Есть и другой мотив. О каком бы компоненте культуры речи ни говорилось, всегда имеется в виду норма, т. е. выбор и узаконение (кодификация) одного (или более) вариантов в качестве нормативного. Поэтому, несомненно, правильным было бы называть компоненты культуры речи не просто этическим и коммуникативным, а компонентами этической и коммуникативной нормы. И если мы этого не делаем, то только потому, что тогда нелепо бы звучало название «нормативная норма». Исходя из сказанного, культуру речи можно определить как дисциплину, изучающую литературную норму (во всех аспектах) и кодифицирующую эту норму, что по отношению к нормативному компоненту практически всегда и делалось. Именно нормативность заставляет относиться к культуре речи как к единой дисциплине, а не простому конгломерату разных дисциплин...

Нормативный компонент культуры речи

С. И. Ожегов дал следующее определение языковой нормы: «Норма – это совокупность наиболее пригодных для обслужива-

¹ Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура речи и эффективность общения. М., 1996. С. 7–41.

ния общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов из числа существующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов». Это определение представляется безупречным, если знать, как выявить тот вариант, который соответствует данному определению и будет принят носителями литературного языка. <...>

На этапе формирования современного русского литературного языка первостепенное значение имел вопрос о том, какой из вариантов кодифицировать в качестве литературного. На последующих этапах его развития основным становится вопрос о том, когда следует кодифицировать новую или локальную, «выросшую» до всеобщей, норму и когда следует отказаться от старой. <...>

Итак: 1) существуют общеязыковые нормы разных уровней языковой системы, суть которых определяется на основе трех оппозиций: консерватизм/динамичность, безвариантность/вариативность, всеобщность/локальность нормы; <...> 3) особой методики требует выявление норм устной разговорной и кодифицированной речи.

Коммуникативный компонент культуры речи

Коммуникативный компонент культуры речи несет основную нагрузку в наиболее эффективном достижении поставленных целей общения. <...>

Попытаемся обосновать, что коммуникативный компонент культуры речи должен включать *три основные составляющие*: 1) определение цели коммуникации; 2) определение pragматических условий коммуникативного акта; 3) диктуемые целью и pragматикой основы выбора и организации языковых средств, формирующих соответствующие тексты в их письменной или устной реализации.

Чтобы ввести понятие цели в исследование коммуникативного компонента, необходимо прежде всего четко разграничить те цели, которые определяют выбор и организацию языковых средств, от тех целей, которые в этом процессе не участвуют или участвуют лишь косвенным образом. <...>

Система *коммуникативных целей* представляется следующей. Различаются пропозициональные, или диктумные, (1) и модаль-

ные (2) цели. Пропозициональные цели определяют фактическое содержание текста (*о чем данный текст*), модальные цели – это коммуникативная установка текста, типа информации, убеждение, побуждение и т. п. (*с какой целью создан данный текст*). <...> Разумеется, высказывания, составляющие определенный текст, могут иметь различную модальность, но всегда можно при этом установить общую модальную направленность текста. <...>

К числу важнейших *прагматических характеристик* коммуникативного компонента культуры речи, если попытаться обобщить опыт исследований в этой области, следует отнести: 1) соответствие цели коммуникации адресанта и ожиданий от коммуникации адресата; 2) точное понимание речевых характеристик адресанта и адресата в данной ситуации; 3) учет частных прагматических характеристик адресанта и адресата. <...>

Итак, цели общения с их прагматической коррекцией должны быть обеспечены языковыми средствами и их организацией. Решение этой задачи так же многоаспектно, как многоаспектны цели общения. К числу основных аспектов мы относим следующие:

1. Выделяются некоторые общие для всех функциональных разновидностей языка правила общения. Они предложены Г. П. Грайсом и названы им Правилами кооперации. <...> Ценность постулатов Г. П. Грайса для культуры речи, на наш взгляд, в том, что они прямо ориентированы на обеспечение культуры мышления, без которой, как уже неоднократно подчеркивалось, культура речи просто немыслима.

2. Особого анализа требуют языковые средства, обеспечивающие маркированность данного текста в функциональном плане. <...> Должна быть поставлена задача: определить и систематизировать набор всех специфических для данной функциональной разновидности средств и всех средств, способных заменяться специфическими. <...> Задачей определения культуры владения функциональными разновидностями языка кажется следующая: определить ту пропорцию между взаимозамещаемыми нейтральными и специфическими средствами, а также ту пропорцию между разными специфическими средствами, которые соответствуют понятию хорошего стиля. <...>

3. Наиболее трудоемкой представляется задача выявления тех языковых средств и их организации, которые обеспечивают прагматические потребности общения. <...>

Следует подчеркнуть, что создание совершенных в коммуникативном аспекте текстов – процесс творческий: не может быть рекомендовано готовых формул, шаблонных заготовок текстов, за исключением... только некоторых реализаций официально-делового стиля. Более того, если бы мы задались все же целью предложить такие формулы, то это была бы антикультурно-речевая задача. К одной и той же цели можно с равным успехом идти разными путями, оставаясь в пределах одной функциональной разновидности. Способность к разнообразию в построении текстов, умение создать и утвердить свой «речевой почерк» – важный показатель общей речевой культуры носителя языка. Поэтому практические рекомендации по овладению коммуникативным компонентом культуры речи должны оставлять свободу для творчества. <...>

Этический компонент культуры речи

Этический компонент культуры речи предполагает решение двух разных по своей сути задач: 1) кодификация в качестве нормативных способов выражения; 2) определение нормативности заимствований литературного языка из разного рода жаргонов и арго. <...>

<...> Только в том случае, если этика отношений соответствует представлениям о них участников общения, – а эти представления формируются общими этическими установками общества, – общение может быть эффективным. <...>

Несмотря на то, что литературный язык стремится изолировать себя от жаргонов и арго, полная изоляция невозможна. Границы жаргонов и литературного языка особенно часто нарушаются теми, кто одновременно является носителем литературного языка и жаргона. Пополнение литературного языка, прежде всего его лексики, за счет названных нелитературных образований – процесс реальный. Его регулирование – важная задача, решением которой «ведают» этический компонент культуры речи. <...>

Алоис Едличка²

ТИПЫ НОРМ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<...> В последнее время на развитие исследований о норме существенно повлияло развитие теории коммуникации и социальной психологии и использование их достижений в лингвистике (или же в социолингвистике). Сделан акцент на **двустронность нормы** как категории языковой и социальной, то есть имеет место более широкое понимание нормы (или норм), охватывающее всю полноту явлений, связанных с языковой коммуникацией. Отражение этого находим в терминологическом обозначении: вместо старого основного термина «языковая норма» для передачи указанного широкого понятия избирается более адекватное наименование нормы языковой коммуникации. <...>

<...> Для наших рассуждений имеет значение лишь принципиальное различие двух типов норм, которые Д. Нериус называет *системными нормами и нормами применения языка или же нормами коммуникативными*. <...> Такое разграничение системных и коммуникативных норм есть существенный вклад в разработку проблематики основных норм языковой коммуникации.

В. Хартунг относит к основной группе те нормы, которые он называет *грамматико-семантическими* (они совпадают с системными нормами); их определяющий признак он усматривает в соотнесенности с понятием «правильность», при этом особое внимание обращается на адекватность содержания. От этого типа он отличает так называемые *ситуативные нормы* (они совпадают с коммуникативными нормами). Ситуативные нормы определяются такими компонентами коммуникативной ситуации, как социальная роль говорящего, взаимоотношения участников акта коммуникации (с точки зрения их социального равенства или социального различия), предмет (тема) коммуникации и специфические цели, намерения коммуникантов. <...>

---

² Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1987. С. 135–149.

Иное терминологическое решение <...> находим у В. Барнета. В своей классификации он использует описательные наименования: *нормы языковых уровней* (для системных грамматико-семантических норм) и *нормы вербального и невербального поведения* (для коммуникативных или ситуативных норм). В выбранных им обозначениях, с одной стороны, явно отражается его интерес к разграничению и исследованию уровней языковой структуры – по отношению к системным нормам, с другой стороны, заметно прямое влияние теории коммуникации – по отношению к коммуникативным нормам. При этом выбор развернутого терминологического обозначения второго типа говорит о том, что автор делает акцент именно на невербальные компоненты коммуникации. <...>

Наша краткая иллюстрация терминологических расхождений, проявляющихся в разработке проблематики дифференциации норм и в определенной мере отражающих тонкие смысловые различия и модификации, свидетельствует, что разграничение двух указанных основных типов норм, опирающееся на достижения теории коммуникации, значительно способствует углублению теории нормы в языке и в языковой коммуникации и расширению круга явлений, которые охватываются понятием нормы.

<...> Старые теоретические и прикладные работы касались языковой нормы в узком смысле, то есть нормы, обозначаемой в настоящее время термином «системная норма». <...> В чешской концепции, основанной на соотносительности понятий нормы и кодификации, это подтверждалось тем, что кодификация связывалась с определенным уровнем языковой структуры. <...> В чешской теории нормы недвусмысленно подчеркивалось... что речь идет о языковых нормах, системно связанных с отдельными языковыми образованиями, что по своему характеру нормы отдельных форм существования языка отличаются. <...> Специфический характер норм литературного языка подчеркивается тем, что только эти нормы кодифицируются, а также тем, что орфоэпические и орографические нормы, которые иногда причисляются к этому типу норм... относятся только к литературному языку.

В объем понятия языковых, системных норм входит совокупность языковых средств и закономерностей их использования, свойственных данной форме существования языка, которые ей припи-

саны коммуникативным сообществом и которые в соответствии с этим данное коммуникативное сообщество использует как обязательные. Увязанность нормы этого типа с формой существования языка (языковой формацией) приводит нас к тому, что мы избираем для ее обозначения термин «**формационная норма**». <...>

Иной характер носит второй тип нормы. <...> Для его обозначения мы принимаем термин «**коммуникативная норма**». В то время как тип системной, формационной нормы указывает на систему, второй тип нормы указывает на коммуникацию, на процесс коммуникации. <...>

Важной чертой коммуникативных норм является их ситуационная обусловленность, их зависимость от факторов и условий ситуации. <...> По сравнению с нормами системными, языковыми, определяющим признаком коммуникативных норм выступает наличие элемента невербального поведения. <...>

От смешанного языкового характера коммуникативных актов, который выступает как проявление коммуникативной нормы в некоторых ситуативных сферах, следует отличать вариантность как конституирующую черту формационной нормы. Именно выделение понятия «коммуникативная норма» в отличие от формационной нормы позволяет в общем плане заключить, что существование элементов других норм в актах коммуникации, реализованных на базе литературного языка, не всегда отражает вариантность литературной формационной нормы. В определенных ситуативных условиях, характеризующих процесс общения, их наличие манифестирует коммуникативную норму. <...>

В заключение нам остается затронуть последний тип норм, а именно *нормы стилистические*. Этот тип норм выделялся и раньше, однако до сих пор определение места этого типа в системе норм нельзя считать удовлетворительным и достаточно проработанным. <...> Что касается общего характера, действенности и обязательности стилистических норм, то обычно они в этом плане противопоставляются языковым формационным нормам. <...> Стилистические нормы охватывают не только языковые элементы, но и тематические, особенно текстологические элементы. <...> Определяющая связанность стилистических норм с текстом высказывания проявляется в том, что внутреннее членение стилистических норм мо-

жет опираться на разработанную классификацию типов текста. Важную роль при этом играет и функционально-стилистическая классификация; если мы будем исходить из нее, то придем к определению функционально-стилистической частной нормы как нормы, определяющей построение высказывания (текста) в отдельных функционально-коммуникативных сферах. В рамках функционально-коммуникативных сфер разрабатываются также жанровые различия, проявляющиеся в существовании разных жанровых форм. Их структура определяется частными жанровыми стилистическими нормами. Разумеется, что двумя упомянутыми подтипами стилистических норм ни в коей мере не исчерпываются возможности внутреннего членения стилистических норм. Если посмотреть на положение стилистических норм с точки зрения взаимоотношений и иерархической организации в системе основных норм, то они представляются наиболее сложными, многослойными и многоаспектными.

Из нашего изложения вытекает следующее заключение. К основным типам норм языковой коммуникации относятся три типа: нормы информационные, коммуникативные и стилистические.

1. *Формационная (системная) норма* ограничена языковым компонентом. Она тесно связана с системой. Ее отношение к коммуникации характеризуется тем, что ее конституирующими чертами является общественное признание и обязательность в данном языковом, коммуникативном сообществе. Подобное отношение отражается и в том, что источник установления формационной нормы следует из ее реализации в конкретных языковых высказываниях. Общеобязательность литературной формационной нормы подчеркивается ее кодификацией.

2. Для *коммуникативной нормы* (называемой также *ситуативной*) определяющим является отношение к процессу коммуникации. Она манифестируется не только языковыми (вербальными) элементами, но и компонентами неязыковыми (невербальными). Она обусловлена прежде всего ситуативными факторами и обстоятельствами. Ее отношение к формационной норме определяется тем, что одним из проявлений коммуникативной нормы служит способ дистрибуции языковых формаций в ситуативно-коммуникативных

сферах. В отличие от литературных формационных норм коммуникативные нормы не являются кодифицированными.

3. Наиболее широкими по объему являются *стилистические нормы*: они не только включают языковые элементы, но и отражаются в различных компонентах – тематических, собственно текстовых и тектонических. О переходном характере некоторых языковых стилистических явлений свидетельствует то, что они охватываются кодификацией. Это относится к признакам разговорности и книжности элементов и к специальным функционально-стилистическим характеристикам. Связь всех трех типов норм в их языковом звене очевидна именно в области функционально-стилистических явлений. Функционально-стилистическая классификация была разработана на основе коммуникативных актов, реализованных в форме литературного языка, однако она не ограничена только литературным языком. Известный факт, что в функционально-стилистических сферах высказывания реализуются и другими образованиями национального языка помимо литературного языка, можно адекватно объяснить на основе изложенного нами понимания ситуационно мотивированных коммуникативных норм как проявление дистрибуции форм существования языка в ситуативных сферах, перекрещивающихся со сферами функциональными.

В. А. Ицкович³

НОРМА И ЕЕ КОДИФИКАЦИЯ

1. *Культуру речи* можно было бы определить как мотивированное употребление языкового материала, как использование в данной языковой ситуации оптимальных для этой ситуации языковых средств. Культура речи – это использование средств и возможностей языка, адекватных содержанию, обстановке и цели высказывания. В этом смысле понятие культуры речи значительно шире понятия языковой нормы: в определенной ситуации не только оправданным, но и необходимым может быть то, что считается не-

³ Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 9–39.

правильным с точки зрения норм литературного языка. <...> Все же основой культуры речи является *понятие литературной нормы*. <...> В наиболее распространенных ситуациях... мы пользуемся... нейтральной (стилистически немаркированной) литературной «правильной» речью. <...> Понятие литературной нормы является одним из основных в сфере культуры речи. <...>

Термин «норма» в лингвистике употребляется в двух значениях: во-первых, нормой называют общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих (воспроизведенное говорящими); во-вторых, нормой называют предписания, правила, указания к употреблению, зафиксированные учебником, словарем, справочником. <...>

<...> **Норма** – это существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления, причем эти обязательные единицы могут либо быть единственными возможными, либо выступать в виде сосуществующих вариантов.

Норма, как правило, выступает в сознании говорящих несформулированной, лишь как навык. <...> Имплицитно норма выступает в виде образца, или, точнее, текстов, считаемых образцовыми. <...> Эксплицитно, в явном виде, сформулированной, норма предстает перед носителями языка в *кодификации*, отражающей представление авторов грамматических пособий и словарей о языковой норме, – представление, более или менее точно отражающее норму, но, как правило, не адекватное объективной норме. <...>

Неадекватность кодификации литературной норме объясняется ретроспективностью кодификации, ее ориентацией на образцы, хронологически удаленные от современности. <...>

2. Понятие нормы соотносится с понятиями системы языка, структуры языка и употребления.

Система языка – это система возможностей, решетка с заполненными и пустыми клетками, схема. <...> Система языка – это система существующих в языке моделей, типов. Система обязательно содержит пустые клетки. <...> На протяжении развития языка некоторые возможности, заложенные в системе, реализуются, некоторые пустые клетки заполняются, другие же возможности так и остаются нереализованными. <...>

Под *структурой языка* понимают реализованные возможности системы. Так как не все возможности системы реализуются в языке, то структура, кроме моделей, включает в себя списки единиц, объединяемые той или иной моделью, подчиняющихся в своем образовании данной модели. <...> Таким образом, понятие структуры включается в более широкое понятие системы. Структура – это система в ее реализации, структура – это заполненные клетки системной решетки.

Понятию системы противостоит понятие *употребления*, охватывающего всю совокупность речевой деятельности и ее результатов – сумму всех текстов, письменных и устных, все написанное и произнесенное на современном русском литературном языке. <...> Употребление – это живая речь (устная и письменная) во всех ее проявлениях, именно здесь формируются новые явления в языке. Употребление опирается на систему, но оно и расшатывает ее, являясь той сферой, в которой возникают, через которую проникают в норму (а через нее и в систему) внесистемные образования. <...>

Система языка содержит в себе самой внутреннее противоречие, являющееся движущей силой, пружиной ее исторического изменения, – противоречие между синхронической замкнутостью, закрытостью и диахронической открытостью, размытостью границы системы, противоречие между системностью и эволюцией языка. <...> Начало этих изменений лежит в употреблении, именно там возникают образования, недопустимые с точки зрения сложившейся к моменту их появления системы, но нередко представляющие собой зерно элементов или моделей системы на последующих этапах ее изменения. <...>

Объективно у каждого из говорящих встречаются те или иные отклонения от того усредненного идеала, который называется языковой нормой. В сумме таких индивидуальных отклонений от обычного в данную эпоху – отклонений, как правило, не осознаваемых носителями языка, проявляются некоторые тенденции развития языка, факторы, «грызущие норму». <...>

Разумеется, не все явления, возникающие в употреблении, включаются позднее в систему. Наряду с перспективными образованиями в речи могут появляться и нежизнеспособные, вступающие в противоречие с тенденциями изменения языка; могут появляться

и окказиональные образования, не противоречащие системе, но не входящие по той или иной причине в общее употребление.

<...> Норма включает в себя, во-первых, структуру, во-вторых, то из употребления, что, хотя и противоречит старой системе, но закрепилось в традиции литературной речи, соответствует тенденциям развития языка и поэтому является основой развития новых элементов системы. <...>

3. Система, структура, употребление накладывают на норму определенные ограничения. В синхроническом аспекте норма в том, что касается моделей, не может выходить за пределы языковой системы, за пределы того, что возможно. Нарушение этого ограничения означало бы появление образований не только отсутствующих, но и невозможных в данной языковой системе.

<...> За пределами нормы могут возникать образования, противоречащие существующей в данный момент системе, но, включаясь в норму, они таким образом входят – через структуру – и в систему. Точнее говоря, включение в норму сопутствует (с некоторым опережением) включению в систему языка (на ее новом этапе).

<...> Ограничение нормы возможностями системы означает недопустимость в современной норме образований по моделям, отсутствующим в современной системе. <...>

<...> Чем более развит литературный язык, чем дольше литературная традиция, чем шире сфера употребления и функции литературного языка, тем сильнее, с одной стороны, тенденция к стабильности, ориентация на образцы прошлого, на кодифицированную норму, а с другой стороны – потребность выхода за пределы существующего, необходимость в новых образованиях.

Второе ограничение, накладываемое на норму, – ограничение нормы структурой языка.

Выходом за пределы структурных ограничений являются образования по нереализованным в структуре моделям системы и выход за пределы списков.

Структура языка ограничена реализацией возможностей системы, и выход за пределы этой реализации означает выход за пределы современной нормы. <...> Свидетельством ненормативности образования является и выход его за пределы списка, который, как говорилось, является одним из компонентов структуры. <...>

Важное ограничение нормы – реальная употребительность/неупотребительность языкового явления. Собственно говоря, при неупотребительности какого-нибудь явления нельзя говорить о норме. Необходимо только, говоря об употребительности как показателе нормативности, учитывать сферу употребления. <...>

Фактор употребительности важен потому, что именно в употреблении складываются – в результате взаимодействия разнообразных, иногда противоречащих друг другу факторов – тенденции языковых изменений. <...> Но для того, чтобы установить тенденции, направление изменений, важны не столько отдельные казусы, явные индивидуальные отклонения от общего употребления... сколько, так сказать, равнодействующая этих отклонений.

4. Существенной чертой развитого литературного языка (главным образом в основной письменной форме его существования) является **кодифицированность** его норм, их письменная фиксация в руководствах.

Положительные стороны кодификации очевидны: она позволяет заменить интуитивные представления о норме знанием нормы, помогает найти правильное решение в трудных или сомнительных случаях, создает условия для преподавания единой формы литературного языка, способствует единству и стабильности литературного языка. <...>

Но кодификация страдает и недостатками – как внешними, так и внутренне присущими ей.

К внешним, не зависящим от самой кодификации недостаткам ее относится типичный для многих нормативных описаний ригоризм, представление в них языка «в окаменелом виде», отсутствие в них указаний на варианты и на сферы функционирования вариантов (в пределах литературного языка). Внешним недостатком кодификации является и ее несоответствие (разумеется, только в отдельных случаях) современной норме, ориентация на старую норму. В результате кодификация в некоторых аспектах отстает от нормы. <...>

Внутренним недостатком кодификации является, собственно говоря, сам факт ее существования. Авторитетное пособие, кодифицирующее языковую норму, нередко становится образцом для следующих пособий и справочников, закрепляя на многие годы

норму того времени, когда это пособие создавалось. Этую тенденцию поддерживает и тенденция к стабильности литературного языка. <...>

Таким образом, кодифицированная норма, ориентируясь на литературное употребление прошлого и отвергая как ошибки то, что закрепляется в современном литературном употреблении, может препятствовать включению инноваций в письменную речь. Так как устная речь продолжает изменяться независимо от кодифицирующих предписаний, то детально разработанная кодификация, запрещающая отступления от нормы в письменной речи, способствует увеличению разрыва между письменной и устной речью. <...>

Разрыв между предписаниями кодификации и современной языковой практикой может быть сведен к минимуму, если, во-первых, кодификация будет опираться на описание современного литературного языка... если, во-вторых, кодификация будет указывать диахроническую перспективу, шире регистрировать и оценивать варианты нормы – не только «нейтральную» норму, но и, с одной стороны, новое, закрепившееся по крайней мере в периферийных сферах литературного языка, а с другой стороны, уходящее, еще общепонятное, широко распространенное в массиве читаемой литературы, но уже отсутствующее в современной письменной форме литературного языка.

5. Разные проявления нормы по-разному отражаются в кодификации. Первый и основной разряд составляют **однозначно кодифицируемые явления**. <...> Это главным образом нормы, определяемые системой языка. Здесь нет вариантов, нет колебаний, они обязательны для всех носителей языка, отступление от них означает, что человек не владеет данной языковой системой.

Второй разряд объединяет **вариантные явления**, т. е. случаи, когда в пределах нормы существуют два средства выражения одного и того же содержания. <...> В названном круге явлений кодификация играет очень важную роль, регулируя употребление тех или иных явлений в письменной речи, в формах массовой коммуникации и таким путем воздействуя и на некодифицируемые сферы литературного языка.

Третий разряд представляют собой **образования, используемые очень редко** или вообще не встречающиеся в повседневном упот-

реблении. <...> В этих случаях, как и в предыдущем разряде, можно встретиться с «вариантами», с расхождениями в рекомендациях. <...> Но если варианты кодификации, отмеченные ранее, отражают существующие в литературном употреблении варианты нормы, то в данном случае расхождения в рекомендациях объясняются невозможностью для кодификаторов опереться на употребление. <...>

Наконец, особую сферу представляет собой правописание, где норма и кодификация тождественны, где нормой является то, что кодифицировано. <...> Орфографические... нормы соблюдаются значительно строже, чем лексические или грамматические, вследствие их большей очевидности и их строго регламентированной однозначности.

6. **Задачи кодификации** тесно связаны с проблемой языковых прогнозов, с проблемой предсказуемости, т. е. использования известных данных о прошедшем и современном состоянии языка для того, чтобы определить его будущее состояние. <...>

На каждом этапе развития языка выделяются более или менее устойчивые уровни, а на разных уровнях – стабильные и нестабильные участки (показателем нестабильности является вариантность явления). <...>

Проблема **прогнозирования** касается, естественно, только нестабильных участков и, разумеется, является проблемой для тех случаев, когда еще продолжается «борьба» двух форм. Очевидно, решая вопрос о кодификации нормы, следует учитывать не только современную употребительность лексемы, формы, конструкции, соответствие данного явления системе языка, но и при несоответствии явления системе – его перспективу, его дальнейшую судьбу в языке, возможность его вхождения в литературный язык и закрепления в языке. <...>

Закрепление того или иного явления в норме зависит как от языковых, так и от неязыковых условий. К первым относятся системная обусловленность явления, его соответствие тенденциям развития языка, ко вторым – влияние школьной традиции, общественная необходимость лексемы, языковые вкусы общества и т. д. К неязыковым, внешним факторам относится и влияние орфографии на произношение. <...>

Прогнозирование тех явлений, которые связаны в основном с внутриязыковыми тенденциями, представляется возможным, однако лишь в том случае, если это явление получило уже некоторое распространение по крайней мере в некодифицируемых сферах литературного языка (например, в разговорно-бытовой речи).

Но воздействие внеязыковых факторов на речевую практику настолько сильно, сами эти факторы настолько разнообразны, что, по крайней мере при современном состоянии науки, прогнозы представляются недостаточно обоснованными, или, точнее говоря, мы не можем дать достаточно обоснованный прогноз. <...>

Значительные трудности представляет собой прогноз... явления, которое только начинает свою жизнь в языке. <...> Но даже установление тенденции развития, позволяющее утверждать, что данное явление победит в языке, не означает необходимости немедленной его кодификации. <...>

Кодификация должна быть адекватна современной ей норме – это основной принцип, лежащий в основе научной кодификации литературного языка. И в этом плане большую опасность скрывает не преждевременная кодификация того, что еще не стало нормой, не закрепилось в литературном употреблении – такие случаи встречаются редко, а отказ от признания прав литературной нормы за теми явлениями, которые по существу уже стали нормой, опасная ориентация на старую норму. <...> Соблюдение разумной середины, пожалуй, наиболее трудное и сложное требование, стоящее перед лингвистом.

Л. К. Граудина⁴

ПРОБЛЕМЫ НОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОГНОЗЫ

Совершенствование культуры речи обусловлено в немалой степени потребностями общежития и имеет целью избежать недостатков в общении, вооружив человека языковыми знаниями, которые необходимы для совместной жизни в обществе. <...> Основу нормализации языка должен составить анализ его современного состояния в свете закономерностей исторического развития.

Отрицание старых норм, сколь бы нигилистическим и ниспревергающим основы оно ни выглядело, должно вытекать как следствие экспериментальных исследований, и чем более оно обосновано теоретически, тем это очевиднее с точки зрения норм современного общения. Важно непредвзято взглянуть на ценностные ориентиры, которыми должна быть проникнута языковая политика: в ней многое зависит не только от лингвистов, но и от мнения, психологии общественных деятелей, писателей, журналистов и масс. <...> Языковая культура относится к инвариантным человеческим ценностям, ее нельзя привязать к каким-то меняющимся политическим установкам. Противопоставляя *пурристической доктрине* существования «правду жизни», важно установить новые принципы, отвечающие реальностям языкового существования, строя таким образом иерархию ценностей, в которой допускается сосуществование вариантов и других параллельных средств применительно к складывающейся современной стилистической системе языка. Изучение проблемы колебаний нормы с этой точки зрения приобретает особое значение.

<...> Представляется своевременной попытка уточнить статус понятия «колебание» (*«колебание нормы»*) в сфере исследований по культуре речи и тем самым в теории культуры речи. Обобщение накопленных русским языкознанием в этой области теоретических и фактических данных позволяет выделить несколько сущностных моментов, необходимых для понимания колебания.

<...> Колебание связано с такими сущностными понятиями языка и языковой теории, как «система», «норма», «асимметрия языкового знака». Собственно, содержание самого колебания как языкового феномена обусловлено сущностью перечисленных понятий. И представляется по меньшей мере недостаточным в исследованиях по культуре речи исходить только из двух базовых понятий «норма/ненорма», или «норма/отклонение от нормы», как это часто делают, тогда как колебания представлены неким исключением из правил, какой-то «лингвистической Золушкой». В культурно-речевом аспекте функционирования языка срабатывают также и факторы нестабильности, избыточности. Поэтому наряду с понятиями

⁴ Граудина Л. К. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 177–199.

«норма» и «отклонение от нормы» сущностным понятием в культурно-речевом плане представляется и третье – «колебание нормы».

Принципиальным представляется положение о том, что «колебание нормы» как особое сущностное понятие проявляется по-разному применительно к различным ярусам языка. <...> Нельзя считать случайностью тот факт, что на протяжении трех последних веков вопросы нормализации литературного языка решались русистами на основе отечественной традиции и с намерением проникнуть в суть тех закономерностей, которые отличают один уровень языковой системы от другого.

<...> Упорядочение грамматических норм распространяется прежде всего на совершенствование *принципов кодификации* форм, учитывающихся при составлении нормативных грамматик и словарей. Нормализация в области грамматики опирается также на результаты исследования закономерностей и тенденций употребления грамматических дублетов, в особенности на регламентацию грамматических вариантов с указанием их стилистических дифференциаций.

Нормализация современного литературного языка на лексическом уровне особенно сложна. Она требует постоянных обследований состояния живой речи и четкого определения существующих границ современного литературного языка. С этим связана в первую очередь проблема совершенствования и обновления толковых и специализированных словарей. <...>

Постулат о необходимости дальнейшей и более углубленной разработки теории поуровневой нормализации языка представляется основополагающим. <...>

Вариантность следует рассматривать как... особое качество, связанное с существованием разновидностей, видоизменения второстепенных элементов языковых сущностей, их частностей (вариантов) при сохранении того, что является основой (инвариантом). С помощью этого термина характеризуются способы существования и функционирования дублетных элементов языковой системы на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Принципиальным представляется соображение о том, что языковые варианты, относящиеся к разным языковым уровням, существенно различаются.

Всем типам вариантов свойственны такие общие черты, как структурность, регулярная воспроизведимость в пределах всей исторической фазы сосуществования вариантов, употребительность, связь с внешними и внутренними факторами, воздействующими на их функционирование. Процесс взаимодействия этих факторов предстает перед нами как процесс многовариантного типа. <...>

Исследование вариантов убедило также в необходимости системного подхода, который позволяет комплексно сочетать все необходимые аспекты – количественные, функционально-семантические, стилистические и структурные. <...>

Недостаточная кодифицированность нормы, отсутствие нормативных указаний об употреблении некоторых вариантов в словарях, слабая разработанность правил в учебниках и грамматиках являются существенными причинами, оказывающими влияние на процесс развития варьирования языковых единиц. Нормативные решения должны разрабатываться с учетом влияния как факторов, постоянно действующих в течение длительного периода, так и временных, периодических или случайных факторов.

Проблема соотношения эмпирического и теоретического уровней в работе, связанной с активной *нормализаторской деятельностью языковедов*, всегда вставала перед исследователями как один из важнейших аспектов их культурно-речевой деятельности. <...>

<...> Лингвистическое вмешательство должно проявляться не только в отборе и рекомендации предпочтаемых языковых средств (орфоэпических, грамматических, лексических), но и в определении системы ценностных стилистических ориентаций, касающихся и языка средств массовой коммуникации, и языка делового партнерства, и языка улицы. <...> Система рекомендаций языковедов должна опираться на то употребление, которое соответствует не только правилам, установленным в словарях и грамматиках, но и другим специальным критериям: национальному этикету, хорошему вкусу, системе этических норм – словом, всему складу традиционной отечественной культуры, которая воспринимается обществом как образцовая. <...>

Научная цель исследования закономерностей развития нормы обусловлена в первую очередь необходимостью теоретического

решения ключевых вопросов формирования и осуществления научно обоснованной лингвистической политики. Не менее актуальны задачи, стоящие перед нормализаторской деятельностью, когда речь идет о выработке достаточно аргументированных рекомендаций в трудных случаях языкового употребления.

Выбор рациональных нормативных решений не может основываться только на интуиции лингвиста или простого носителя языка и на его здравом смысле. Современные ортологические исследования нуждаются в систематически разработанных прогнозах, которые должны опираться на обширный и доброкачественный фактический материал. Прогнозирование пороговых величин процессов развития нормы, знаменующих ее переломное изменение, – этот аспект анализа связан с представлением о продолжении в будущем тех тенденций, которые сложились в прошлом. **Нормативно-целевой прогноз** должен опираться на установленную систему активных показателей, с тем чтобы предвидеть возможность их дальнейшего воздействия на языковой процесс.

<...> Задачи нормализации на протяжении всего... процесса эволюции нормы существенно меняются. В латентной фазе, пока еще не обнаружились слишком явно диссонансы между кодифицированной нормой и употреблением, нормализатору важно сохранить привычные грамматические нормы. Критерий традиционности литературной нормы в этом случае является ведущим. Когда же развитие новой нормы достигает пика и варианты смешиваются в употреблении, естественно признать факт их сосуществования. Критерий употребления, или речевого *узуса*, т. е. реализации языковой системы в определенных условиях общения, на этой стадии развития выдвигается на первый план. Упоминается факт существования традиционной нормы и констатируется факт возникновения новой. На третьей же стадии более отчетливого становления новой нормы появляется необходимость существенного пересмотра старых норм, которыми приходилось руководствоваться прежде. В этом случае на первый план выдвигается критерий соответствия новым стилистическим условиям употребления, новым коммуникативным потребностям.

Л. К. Граудина⁵

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОГНОСТИКА: МЕТОДЫ КОДИФИКАЦИИ НОРМЫ

Уже начиная с 1950-х гг. в нашей стране разрабатывались основы прогнозики как научной дисциплины, которая изучает общие принципы и методы прогнозирования развития объектов любой природы. Термин «прогноз» вошел в научный обиход сравнительно недавно, но к понятию, им выражаемому, наука обращалась на протяжении длительной истории. В сборнике рекомендуемых терминов, изданном Комитетом научно-технической терминологии, предлагается следующее определение прогноза: «Научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления». Обычно прогноз носит вероятностный характер. Это значит, что всегда остается возможность для сомнения. Важно все же, что позитивное прогнозистическое утверждение обладает определенной степенью достоверности. Оно тем более обоснованно и полно, чем надежнее и полнее исследование базового периода, прогнозного фона и всей совокупности условий, существенных для прогноза.

Существует *четыре метода лингвистического прогноза*:

- **Метод исторической аналогии**, который основан на установлении и использовании объекта прогнозирования с одинаковым по природе объектом, предшествовавшим в истории объекту исследования. Так, наплыv неумеренных заимствований в наше время нередко с нормативной точки зрения сопоставляют с аналогичным процессом во времена Петра I.

- **Экспертный метод** прогнозирования, связанный с оценкой происходящих языковых процессов профессионалами и экспертиами-лингвистами. Наиболее характерны в этом отношении экспертные оценки терминологических стандартов и широкая деятельность лингвистов, связанная с унификацией терминологии в производственной и научной сфере.

⁵ Граудина Л. К. Основные признаки культуры речи как языковедческой дисциплины // Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М., 2001. С. 38–42.

- **Метод, связанный с прогнозированием поведения системных единиц в тексте** (на основе изучения законов порождения текста).

- **Метод перспективного прогноза** нормы употребления языковых единиц на базе моделирования временных рядов.

Конкретный пример использования приема перспективного прогноза дает представление о *прогнозе как о едином целостно-системном подходе к языку*, основные звенья которого скреплены общей идеей. Поэтому этот метод необходимо проиллюстрировать более детально.

Сущность *системного подхода* особенно ярко обнаруживается в применении к явлениям грамматической вариантности. Сочетание «ошибочного» и «правильного» в употреблении языковых вариантов, объективного и субъективного факторов, влияющих на это употребление, относительная автономность отдельных грамматических категорий и пути взаимодействия категорий с грамматической подсистемой и системой в целом – все эти разносторонние аспекты процесса варьирования должны быть представлены в модели системного прогноза. Поскольку лингвистический прогноз «мыслился как важный ориентир в разработке определенных решений, важно, чтобы в модели прогноза были отражены все основные стороны наблюдаемого процесса. При этом оказываются важными внешние и внутренние факторы. В прогностике их называют экзогенными показателями (вызываемыми внешними причинами) и эндогенными показателями (вызываемыми внутренними причинами). Так, к экзогенным показателям относится рост частоты употребления вариантов в связи с активизацией инвариантной формы. Показатели, относящиеся к социолингвистическому аспекту речи, должны рассматриваться в тесной связи с факторами, внешними по отношению к языковой системе.

Структурные компоненты также составляют наиболее важную часть всей модели системного прогноза (см. графическое изображение *модели системного прогноза*). При этом следует отметить, что, поскольку системный прогноз можно корректировать в различных направлениях, схема, содержащая наиболее существенные компоненты, может видоизменяться в каждом конкретном случае при непосредственном обращении к языковому материалу.

МОДЕЛЬ СИСТЕМНОГО ПРОГНОЗА ДЛЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ

Одно из назначений модели – обнаружить зависимость (эластичность) показателей, динамика которых выявляется с помощью расчетов на основе экспериментальных наблюдений. Системная модель помогает выпукло показать сложившийся стереотип динамического равновесия взаимодействующих факторов, который оказывает влияние на ход варьирования, а тем самым и на характер выводов, заключающих экспериментальную работу.

На схеме отражены, с одной стороны, варьирующиеся переменные, которые служат величинами, отправными для прогнозных расчетов. С другой стороны, в правой части схемы помещены ста-

бильные структурные показатели, которые влияют на динамику переменных величин. В левой части схемы помещены статистические данные, получаемые в результате проведенного эксперимента. В целом схеме придан обобщенный характер.

В представленной схеме сочетаются количественный, качественный, семасиологический и структурный аспекты. Что касается «квантифицированной» части прогноза, количественно и хронологически отнесенного к ближайшему периоду времени, – для него необходимо накопление необходимой статистической информации. Поскольку процесс эволюции литературной нормы идет сравнительно медленно, на первый взгляд, плавно и в одном направлении, целесообразным представляется обращение к традиционному, наиболее испытанному и разработанному приему перспективной экстраполяции ряда численных значений показателя количественных соотношений конкурирующих вариантов за определенный период времени. Тенденция изменений, выявленная в прошлом, будет действовать и в ближайшем будущем. Суждения о будущей литературной норме основаны на детальном исследовании ее прошлой эволюции. По английской пословице – «Грядущие события назад свою бросают тень».

Если каждую из клеток, помещенных на схеме, заполнить конкретными показателями, на выходе будет получена прогнозная информация, которая позволит определить предпочтительность квалификационных характеристик. <...>

Вследствие большой инерционности лингвистических процессов в рамках относительно коротких временных интервалов (от десяти до тридцати лет) основное внимание приходится уделять выявлению общих тенденций эволюции нормы. Вместе с тем полученные итоги предшествующего исторического развития непосредственно ориентируют нас не только на современную норму и существующие формы ее воплощения. Тенденция изменений, выявленная в прошлом, может быть перенесена на будущее, при этом характеристика процесса исследования может принять и более конкретные очертания. Здесь важно подчеркнуть различие между прогнозом и тенденцией. Функция прогнозирования заключается в оценке конкретных реализаций изучаемых процессов в недалеком будущем. Тогда как **тенденция** есть не что иное, как преобладающее

направление развития событий, некоторые общие закономерности эволюции. Прогнозируемая величина в конкретной форме характеризует результаты процесса, осуществляющегося в рамках действующей тенденции.

Выявленная существенная черта односторонности развития находит свое яркое выражение в таком важном аспекте динамики нормы, который характеризуется понятием необратимости процес-са. <...>

Л. В. Щерба⁶

О РАЗНЫХ СТИЛЯХ ПРОИЗНОШЕНИЯ

Вопрос о разных стилях произношения не является новым в фонетике: П. Пасси в своей классической книжечке «Les sones du français», вышедшей недавно 7-м изданием (первое издание в 1887 г.), различает следующие стили: *pronunciation familière ralente*, *pronunciation familière rapide*, *pronunciation soingnée*, *pronunciation très soingnée*. Два примера из русского языка помогут понять, в чем тут дело: *здравствуйте* и *здравсте*, *человек* и *чек*, *говорит* и *грит* принадлежат, очевидно, разным стилям произношения (в немецкой лингвистике эти дублеты известны под именем ‘медленного’ и ‘беглого’). Внимательное наблюдение показывает, что это лишь крайние случаи, и что на самом деле существует бесконечное множество переходных нюансов, и что полные формы, в сущности, в обычной речи никогда не употребляются.

Если это так, то, отвлекаясь от письма, что нам, грамотным, очень трудно сделать, но что мы обязаны сделать в науке, мы становимся лицом к лицу с весьма трудным, но и весьма важным вопросом: что же считать фонетическим словом – *говорит* или *грит*? Звуковая сторона слова, которая казалась всегда такой ясной, не-преложной, которая представлялась определенным ядром более или менее расплывчатых семасиологических представлений, оказывается, таким образом, сама не менее расплывчатой и неопределен-

⁶ Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 141–147.

ной. Пока люди находились еще под очарованием письма, отличая звуки от букв больше в теории, то можно было бы еще толковать о том, что неударенное *o* произносится как *a* или как звук, средний между *o* и *a* и т. п. Но когда окончательно порвали с буквами и стали наблюдать объективно существующее в связной речи разнообразие произношений, то пришло задуматься о том, как относятся друг к другу объективно встречающиеся в разных условиях формы: [gʌvʌr'it, gəvʌr't, gəvr'it, gər'it, gr'it] и т. д.

Некоторые лингвисты, по-видимому, склонны склониться перед фактом и не находят возможным входить в психологический анализ взаимоотношения всех этих форм; другие, видя практическую невозможность оперировать с таким многообразием, останавливаются на той или другой форме, более или менее произвольно выхваченной из этого многообразия (например, в нашем случае на форме [gəvʌr'it]. П. Пасси пытается определить то, что он считает за норму, как *pronunciation familiee ralente*. Теоретические основания его при этом неясны; может быть, они неясны и ему самому. <...> Поэтому и значение термина, составленного из безусловно относительных выражений, остается не совсем ясным. Само собой разумеется, что и определение по метроному темпа речи, если бы такое и было возможно, ни к чему не привело бы, так как дело, очевидно, не только в темпе речи.

В чем же дело и каковы могут быть теоретические основания для выхода из тупика? Мне кажется, весь вопрос легко разрешается, если мы перенесем его на психологическую почву. В самом деле, для нашего сознания в большинстве случаев ясно, что мы считаем необходимой фонетической принадлежностью данного слова, и это проявляется, когда мы, по тем или другим соображениям, произносим ясно, отчетливо, отчеканивая каждый слог, – в нашем случае, например, [ga-va-г'it]. В таких условиях мы освобождаем наше произношение по крайней мере от действия наиболее деструктивных факторов – от влияния ударения, соседства и инертности органов произношения. Ведь как раз эти факторы заставляют нас, помимо нашей воли, произносить, в зависимости от тех или других условий, все те варианты слова [ga-va-г'it], которые были указаны выше и которые являются не чем иным, как зародышами будущих языковых состояний. Все эти варианты нами нормально не сознают-

ся как таковые, вследствие свойства психологического процесса, при этом протекающего и известного под именем ассоциации. Но при передаче языка от поколения к поколению некоторые из них могут стать достоянием сознания и даже вытеснить старую идеальную форму. Поэтому и правильно говорится, что язык изменяется при передаче его от поколения к поколению – изменяется при этом его идеальная сознательная форма. Самые же, однако, изменения происходят в индивидууме и обусловлены психологически и физиологически.

Может показаться, что случаев, когда проявляется идеальный фонетический состав слов, очень мало. Это неверно.

Мы всегда так произносим, когда употребляем редкое, для собеседника малоизвестное слово, когда говорим из другой комнаты, когда говорим занятому, рассеянному, тугуухому и т. п., когда поправляем детей, когда хотим привлечь внимание на то или другое слово или даже часть его (когда для понимания смысла фразы важен тот или другой морфологический элемент), когда тянем слова в недоумении или удивлении, когда говорим нараспев или попросим поем и т. д., и т. д.

Выше я сказал, что для нашего сознания в большинстве случаев ясен идеальный фонетический состав слов – значит, не всегда. В самом деле, представим себе, что ребенок никогда не слыхал отчетливого произношения слова *говорит*, а слыхал лишь формы [gəг'it] и [gr'it]; он легко может себе представить на основании опыта со словом [тəс'it] *мычит*, что идеальная форма слова будет [gyг'it], и если никто не поправит его соответственного отчетливого произношения, то он так и останется с *gyг'ит* вместо *говорит*; но если у него будет смутное воспоминание о [gəvʌr'it], то сознание может колебаться, могут возникнуть две параллельные формы и т. п.

Так, например, по-моему, у нас обе формы – и *здравствуйте* и *здравсте* – существуют в сознании, тогда как того же нельзя сказать про *говорит* и *грит*, хотя это последнее зафиксировано даже и в литературе: *грит*, по крайней мере мною, чувствуется как диалектизм.

Так как коллективный язык является в известном отношении научной фикцией, а индивидуальные сознания представляют много неясного, переходного, то, конечно, и вопрос об идеальном фо-

нетическом составе всех слов данного языка не может быть всегда решен с полным успехом и во всех деталях, так как это было бы насилием над фактами. Тем не менее для меня совершенно ясно, что этот вопрос неминуемо должен быть выдвинут в науке в связи с эманципацией от письменного языка и обращением к живой речи.

Тут надо, впрочем, заметить, что всякая письменность в общем всегда стремится в той или другой мере запечатлеть идеальный фонетический состав слов и только, в силу своей инертности не спасаясь за изменениями языка, отражает в большинстве случаев прошлые эпохи языка. Поэтому-то языкознание и могло сделать такие большие успехи, несмотря на то, что исходило, а зачастую и до сих пор исходит из букв.

К сожалению, этимологизирование грамотеев всех времен и многочисленные заимствования (хотя бы в виде особых орфографических манер) сильно затрудняют пользование письменным языком для восстановления идеального фонетического состава слов и в прошлом. Дело усложняется еще и тем, что всякий исторически сложившийся письменный язык по большей части не отражает один какой-либо строго определенный в прошлом момент: элементы его восходят часто к различным эпохам.

В этом отношении древнерусковиславянский язык (по крайней мере в евангельском тексте, где благодаря некоторым древним спискам можно с большей или меньшей вероятностью восстанавливать оригинал) является единственным и драгоценнейшим для лингвиста исключением.

От обсуждения научного значения поднятого здесь вопроса позволю себе перейти теперь к практическому и коснуться тех выводов из высказанных выше соображений, которые должны были бы, по-моему, быть приняты во внимание в деле обучения иностранным языкам.

По моим наблюдениям, учащиеся в большинстве случаев усваивают лишь те фонетические явления, которые выступают ясно в связной речи, а идеальный фонетический состав слов лишь там, где он не противоречит фонетике родного языка.

Между тем зачастую этого мало. Так, различие долготы и краткости гласных несвойственно и даже прямо-таки непонятно нам, русским, тогда как в немецком это факт капитальнейший важ-

ности. Между тем в связной речи это различие зачастую несколько скрадывается (особенно в словах, не носящих логического ударения во фразе), а для русского уха и вовсе исчезает. Поэтому русские только тогда имеют случай наблюдать немецкую долготу, когда учитель произносит то или другое слово достаточно медленно и отчетливо. Для детей, впервые получающих какие-либо языковые впечатления (т. е., например, для немецких детей), этого оказывается достаточно; для лиц же, привыкших считать длительность гласных делом совершенно неважным, этого чересчур мало. В результате ученики из русских даже при затрате большого труда как с их стороны, так и со стороны преподавателя, хотя бы даже и знающего фонетику теоретически, делают неприятные ошибки в количестве; им не сумели внушить идеального фонетического состава немецких слов.

Вообще учащимся приходится чаще всего слышать, употребляя выражения Пасси, *pronunciation familière rapide*, сами же они говорят, особенно вначале, таким темпом, которому приличествовало бы чуть ли не *pronunciation très soignée*, которого они, однако, не знают, так как его мало слыхали. Благодаря этому получается самое ужасное смешение стилей.

Для устранения этого недостатка необходимо, чтобы учащихся заставляли изучать больше всего и прежде всего идеальный фонетический состав слов (*pronunciation familière* придет отчасти само собой) и чтобы учащиеся, выяснив основные отличия фонетики языка изучаемого от фонетики своего родного языка, обращали на эти отличия особое внимание, а главное, чтобы сами выговаривали соответственные слова особенно тщательно. При этом не надо бояться – и это я не могу в достаточной мере подчеркнуть – утрировать произношение. Надо помнить, что ухо учащихся глухо к иноязычным «тонкостям». И только особенно подчеркивая эти тонкости, можно привлечь к ним внимание учащихся и вызвать подражание.

Между тем увлечение живым языком, которое я вполне разделяю, привело к тому, что в учебниках, помещающих фонетические транскрипции, даются транскрипции более или менее связной речи, отчего получается (при чтении их учащимся медленным темпом, с остановками после каждого слова, а то и внутри слова) нечто такое, что никак не может быть одобрено с точки зрения изучаемого

языка. Употребление говорящих машин лишь увеличило все эти неудобства.

Дело, однако, можно легко поправить, приняв за правило печатать всегда две транскрипции: одну, обнаруживающую идеальный фонетический состав слов, и другую – транскрипцию связной речи. То же должно применяться и по отношению к текстам, наговариваемым в говорящие машины: всякий текст должен быть записан в двух стилях и для каждого сделана фонетическая транскрипция (употребление машин без транскрипций, по-моему, сильно уменьшает их пользу). <...>

В. И. Карасик⁷

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ЯЗЫКЕ

<...> **Языковая личность** как предмет лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. В структуре языковой личности выделяются, как пишет Ю. Н. Карапулов, *три уровня: вербально-семантический*, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком, **когнитивный**, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей, и **pragmaticеский**, заключающий цели, мотивы, интересы и интенциональности. В этой структуре особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Эти ориентиры возникают, по мнению П. С. Гуревича, не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека, они представляют собой личностно окрашенное отношение к миру. Ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события. <...> Противопоставляются ценности индиви-

дуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (например, в семье, между близкими друзьями), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие. <...>

О. Б. Сиротинина⁸

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ХОРОШЕЙ РЕЧИ

<...> Оценка качества речи зависит от очень многих условий, в том числе социолингвистических. <...> Критерием если не хорошей в полном смысле этого слова, то хотя бы допустимой речи должны быть, с одной стороны, степень ее литературности (возможны отклонения, но не отсутствие литературных средств общения) и степень целесообразности использования тех или иных языковых средств.

С другой стороны, безусловно, критерием хорошей речи в любом случае остается ее **понятность адресату**, поэтому недопустимы не только малоупотребительные в русской речи иностранные слова (например, *сикофанты, абсентеизм*), использованные без пояснений в газетных статьях, предназначенных для широкого читателя, но и специальные термины, хотя они и входят в литературный язык.

<...> Можно ли считать, что в критерий хорошей речи входит обязательная запланированность использования каких-то языковых средств? Иными словами, является ли хорошая речь риторически организованной? Думается, что однозначного ответа на этот вопрос нет. Как правило, риторически организованная речь лучше, эффективнее по своему воздействию. Но в продуманной заранее речи могут быть и риторические просчеты. <...> Например, мнение по поводу ставшей притчей во языщах фразы В. В. Путина «будем мочить в сортире» (одни считают, что это было не только задумано, но и «посоветовано», а другие, что прорвался из-за спонтанного ответа речевой субстрат; одни считают фразу удачей, другие осуж-

⁷ Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–16.

⁸ Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / О. Б. Сиротинина и др. Саратов, 2001. С. 16–29.

дают В. В. Путина за ее грубоść и нелитературность, независимо от того, задумана она была или спонтанна).

<...> Хорошая речь – речь не стереотипная, повторяющая набившие оскомину штампы, затасканные выражения, а **творческая**, выражающая интенции ее автора и вызывающая адекватное понимание у адресата. Именно адекватность понимания делает речь эффективной и потому далеко не всякую несомненно творческую, оригинальную речь можно назвать хорошей.

<...> Очевидно, что хорошая речь нуждается в **большом словарном запасе**, необходимом для выражения любого понятия, любой мысли и любого чувства. Только при этом не надо забывать, что наличие большого словарного запаса и даже умение свободно им пользоваться (что не всегда сопутствует пассивному лексикону) необходимое, но еще не достаточное условие хорошей речи: надо еще помнить о возможностях адресата понимать сказанное.

Само наличие большого запаса слов находится в прямой связи с **типом речевой культуры** (см.: Гольдин, Сиротинина, 1993, 1997), который в свою очередь тесно связан с типом общей культуры. Как правило, хорошая речь продуцируется носителями элитарного типа речевой культуры. В сфере литературного языка находятся два сложившихся (элитарный и среднелитературный) и два складывающихся типа (литературно-разговорный и фамильярно-разговорный, обычно пересекающийся с жаргонизирующим, который находится уже за пределами сферы литературного языка).

Остановимся на них подробнее.

Элитарный тип. Носители элитарного типа – люди, владеющие всеми нормами литературного языка, выполняющие этические коммуникационные нормы. Это означает соблюдение не только кодифицированных норм, но и функционально-стилевой дифференциации литературного языка, норм, связанных с использованием устной или письменной речи. Для носителя элитарного типа речевой культуры характерно незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, «неперенос» того, что типично для устной речи, на письменную речь, а того, что свойственно письменной речи, на устную. В какой-то мере соблюдение коммуникативных норм требует знания и практической реализации риторических правил общения.

Элитарный тип речевой культуры – воплощение общей культуры в ее наиболее полном виде: хотя бы пассивное владение достижениями мировой и национальной культуры (знание артефактов материальной культуры, знакомство с литературными шедеврами, шедеврами искусства, хотя бы представление о гениях науки и т. д.). Именно общекультурная составляющая обеспечивает богатство как пассивного, так и активного словарного запаса. Умение мыслить обеспечивает логичность изложения мыслей. Речевая культура элитарного типа основана и на широком охвате сознанием говорящего (пишущего) разнообразных прецедентных текстов, имеющих не-преходящее общекультурное значение. Именно на такие тексты носитель элитарного типа речевой культуры ориентируется в своей речи. Отсутствие самоуверенности в своих знаниях вырабатывает у него привычку постоянно пополнять свои знания, основываться для их проверки на авторитетных текстах, словарях и справочниках, а не на услышанном по радио или телевидению, прочитанном в газете и т. д.

Среднелитературный тип. Носителями этого типа речевой культуры является большинство образованного населения России: большинство людей с высшим образованием и значительное количество людей со средним образованием. Этот тип воплощает общую культуру человека в ее упрощенном и далеко не полном варианте. При этом характерной чертой среднелитературного типа является принципиальная удовлетворенность своим интеллектуальным багажом, отсутствие потребности в расширении своих знаний и умений, тем более в их проверке. Самоуверенность носителя среднелитературного типа речевой культуры приводит к системным ошибкам в орфографии, пунктуации, произношении, словоупотреблении и т. д. без тени смущения или даже с агрессивной защитой именно такого отношения к правилам (*Ну и что?!*), а нередко и оспариванием правоты заметившего ошибку (*Нет, прав я: должно писаться привОтизация, т. к. это приобретение права на какую-то собственность.* – Из письма ведущему саратовской радиопередачи «Служба языка» проф. Т. Г. Полищук). Очень частотны при этом ссылки на радио и телевидение (*Я же по телевидению слышал квАртал*). Телевидение и другие средства массовой информации, а также популярная литература, нередко «макулатурного» типа, служит для

носителей этого типа безусловным прецедентным текстом, речевая ущербность таких текстов носителями среднелитературного типа не осознается.

Среднелитературный тип – не до конца освоенный элитарный, поэтому в нем есть соблюдение норм литературного языка, даже стремление к большей «литературности», но при отсутствии необходимых знаний это приводит к искаженным представлениям о правильности, злоупотреблению книжными и иностранными словами (о снежных фигурах под Новый год: *фигуры растаяли конкретно*. – Вести, 27.12.99). *Конкретно, типа, короче* (как заполнитель паузы) – весьма частотные слова в речи носителя этого типа. Частотны и иностранные слова с неправильным произношением и употреблением (*недостаток движения, то бишь гипОксия*. – Рос. газ.; *Методом биолактации установлено, что все поля взаимодействуют между собой*. – Рос. газ.; неправильно употреблены слова *гипоксия* (надо: гиподинамия), *биолактация* (надо: биолокация).

Общекультурный уровень обеспечивает и степень богатства/бедности словарного запаса (не подозревая разницы между вирусами и бактериями, тележурналисты и газетчики спокойно говорят и пишут о вирусе холеры, вирусе стрептококка и т. д.). Отсутствие в сознании носителей среднелитературного типа речевой культуры большого словарного запаса не позволяет им использовать в своей речи широкие синонимические возможности русского языка, что превращает их речь в штампованную: либо по типу старого новояза, либо с засильем сниженной лексики, к которой и сводится стремление сделать речь экспрессивнее. Отсюда огромное количество в СМИ уродливых суррогатов экспрессивной лексики: *окромя, на-вроде, надысь, вскорости* и т. д.

Среднелитературность речевой культуры наших журналистов, речь которых является прецедентной (и даже эталонной) для носителей среднелитературного типа речевой культуры, создает замкнутый круг и способствует воспроизведению и все более широкому распространению именно среднелитературного типа речевой культуры. <...> Именно журналисты ввели и широко распространили еще недавно чуждое русской традиции общения именование взрослого человека без отчества (*Борис Ельцин, Владимир Путин*), ис-

пользование ты-общения и обращений по домашним именам не только в неофициальной, но и в официальной обстановке.

Литературно-разговорный и фамильярно-разговорный типы

начали складываться как самостоятельные только в 90-х годах XX века. Если для носителя среднелитературного типа речевой культуры, в отличие от носителей элитарного типа, характерно владение далеко не всеми функциональными разновидностями литературного языка (как правило, это разговорная речь и один из функциональных стилей, необходимый профессионально: для ученых – научный, для журналистов – публицистический и т. д.), то для носителей «разговорных» типов характерно владение только разговорной системой общения, которая и используется ими в любой обстановке, в том числе и официальной. Своей стилевой и стилистической монотонностью всегда сниженной речи «разговорные» типы сближаются с просторечным типом речевой культуры.

Различаются «разговорные» типы только степенью сниженности речи. В литературно-разговорном типе преобладает ты-общение и домашние имена типа *Сережса*, в фамильярно-разговорном – ты-общение становится единственным возможным, а в обращении предпочтается *Сережска, Серега*. И в том и в другом типе наблюдается огромное количество используемых в речи жаргонизмов, но в фамильярно-разговорном усиливается доля грубых слов и просторечных элементов. Вместе с тем и в том и в другом типе встречается большое количество иноязычной лексики и книжных слов, которые нередко становятся простыми заполнителями пауз, так что рядом встречаются и *конкретно, короче, типа, в натуре* и *блин, бля* и т. п.

Ни о каком соблюдении этических и коммуникативных норм в этих типах речевой культуры говорить не приходится. К тому же очень типично неразличение письменной и устной формы речи и полное неумение строить монологический текст (отсюда бесконечные вопросы к непосредственному собеседнику в студии (*Ты меня понимаешь? Понимаешь?*) при полном игнорировании возможностей понимания истинным адресатом речи – телезрителем). <...> В некоторых случаях разговорные типы речевой культуры объединяют журналистов и «гостей», во всяком случае в равной мере используемым разговорным (неполным) стилем произно-

шения с предельной редукцией, употреблением домашних имен, «фатического трепа» с жаргонизмами и иноязычной лексикой впремежку. <...> Разговорная скороговорка с сильной редукцией встречается и в речи журналистов, во всем остальном соответствующих среднелитературному типу речевой культуры, что, конечно, мешает адресату адекватно и полно воспринимать сообщаемое.

Что касается соблюдения ортологических норм, то в «разговорных» типах оно может быть даже полным. Ущербность этих типов заключается в распространении законов непринужденного персонально адресованного неофициального общения на речь в любой ситуации. Разумеется, речь носителей этих типов может быть хорошей только в непринужденном разговоре с близкими или друзьями (может, конечно, из-за грубоści не быть хорошей и в таких условиях).

Речь носителей среднелитературного типа речевой культуры вполне может быть хорошей не только в дружеском общении, но и в профессиональной деятельности, однако за пределами указанных ситуаций их речь может быть беспомощна. По-настоящему хорошая речь в любой ситуации встречается только у носителей элитарного типа речевой культуры, хотя какие-то погрешности могут быть и у них. <...>

Семинар 2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Вопросы для обсуждения

1. Культура речи и социолингвистика. Вопрос о языковой политике. Понятие языковой ситуации.
2. Социальная стратификация языка. Структура языка города.
3. Коммуникативное поведение. Культурные ценности, принципы и правила верbalного и неверbalного поведения. Проблемы речевого воспитания.
4. Языковая личность, языковой вкус и языковая мода. Коммуникативная компетенция.
5. Языковая позиция личности. Пуризм и его разновидности.

Методические ориентиры

Готовясь к первому вопросу, определите соотношение культуры речи и социолингвистики (ЛЭС, КРР, СЭС, УС). Ознакомьтесь с энциклопедическим определением языковой политики (ЛЭС, УС), а также с освещением этого вопроса в статье О. А. Лаптевой и во фрагменте главы учебника «Культура русской речи» (Л. К. Граудина). Основываясь на материалах монографии Н. А. Купиной и Приложении к учебнику по социолингвистике (В. И. Беликов, Л. П. Крысин), сформулируйте мнение о языковой политике в советское время и в наши дни. Выразите свое отношение к возможности и последствиям влияния языковой политики на культуру русской речи и современную языковую ситуацию.

При подготовке ко второму вопросу изучите статью Л. В. Щербы, в основе которой лежит (вопреки названию) четыре аспекта описания системы «язык – речь»: языковая система – речевая деятельность – психофизиологическая речевая организация индивида (языковая способность) – языковой материал. Как Л. В. Щерба использует эти понятия для интерпретации социолингвистических проблем? Каковы мысли Л. В. Щербы о языке социальных групп и индивидуальном языке? Осмыслите выделенные Л. В. Щербой источники единства речи и ее социальной дифференциации, отметив

формы взаимодействия «языков» различных социальных групп, «языка» отдельной социальной группы и «общего языка». Какое значение имеют социолингвистические идеи Л. В. Щербы для решения общих и прикладных вопросов культуры речи?

Прорабатывая концепцию Б. А. Ларина, обратите внимание на общие принципы социальной стратификации языка. Как Б. А. Ларин описывает «состав и структуру языкового быта города»? В каком контексте он рассматривает язык города? Какой смысл ученый вкладывает в понятие «арго»? Совпадает ли эта трактовка с традиционными представлениями об арго и жаргоне? Интерпретируйте взгляды Б. А. Ларина в терминах современной социолингвистики (В. И. Беликов, Л. П. Крысин). Как вы воспринимаете термин «полиглотизм горожан»? Попробуйте подтвердить явление полиглотизма материалом живой речи горожан-уральцев и москвичей. Соотнесите социолингвистический подход к изучению языка города с культурно-речевым (Е. Н. Ширяев).

Что вы думаете о «культурном весе» русского языка? Каково соотношение «культурного веса», «социальной базы» и «вмешательства политических сил» в современной культурно-речевой ситуации? Рассмотрите издания «Живая речь уральского города. Тексты» и «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект» (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова) с точки зрения культурно-речевой и общеметодической значимости представленных в сборнике текстов.

При подготовке к третьему вопросу изучите содержание коммуникативного и этического компонента культуры речи (Е. Н. Ширяев, см. семинар 1). Определите понятия, на базе которых И. А. Стернин разрабатывает теорию культуры коммуникативного поведения. Сопоставьте подходы И. А. Стернина, Е. Н. Ширяева, В. И. Карабикова и А. А. Вежбицкой. Как авторы работ интерпретируют коммуникативные правила? Как последние соотносятся с понятиями этики и этикета? Какое значение имеет национальная специфика коммуникативного компонента культуры речи? Определите соотношение культурного сценария (А. А. Вежбицкая) с компонентами триады *ценности – принципы – нормы и правила* (И. А. Стернин). Сформулируйте свое понимание эффективности общения. Обобщите методические рекомендации Н. Е. Богуславской и И. А. Гиннатуллина. Составьте перечень актуальных проблем культурно-речевого воспитания.

При подготовке к четвертому вопросу оттолкнитесь от общего представления о языковой личности (Ю. Н. Караполов, В. И. Карабик). Какие социальные и индивидуальные факторы влияют на формирование позиции языковой личности? Обобщите соответствующие наблюдения В. Г. Костомарова. Особо обратите внимание на определение языкового вкуса и языковой моды. Как соотнести языковой вкус эпохи и языковой вкус конкретного человека? Есть ли объективные вкусовые критерии? Соотнесите понятия языковой личности, коммуникативной компетенции (И. И. Беликов, Л. П. Крысин) и типа речевой культуры (О. Б. Сиротинина, см. семинар 1).

Для ответа на пятый вопрос изучите мнение Г. О. Винокура о пуризме. Какие типы пуризма распространены в наши дни? (см. также работу Л. К. Граудиной «О лингвистической прогностике»). В чем проявляется гражданский пафос концепции Г. О. Винокура?

Виды практической работы

1. Анализ диалогов из сборника «Живая речь уральского города. Тексты» и монографии М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект». Оформление и иллюстрирование тезиса о социальных («групповых») языках.
2. Запись непринужденного рассказа (подростка, члена семьи, друга и др.). Оценка речи с точки зрения типа речевой культуры, социальной и демографической информативности.
3. Наблюдение языка улицы (реклама, вывески, названия улиц и др.). Оформление сообщения на тему «Язык улицы как зеркало социокультурных проблем».

Список рекомендуемой литературы

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001. Приложение: Языковая ситуация и языковая политика в России и СССР. С. 332–415.

Богуславская Н. Е., Гиннатуллин И. А. Культурно-речевые аспекты разговорного текста // Человек – Текст – Культура / Под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. С. 141–153.

Винокур Г. О. Культура языка // Основы культуры речи: Хрестоматия. М., 1984. С. 165–173.

Живая речь уральского города: Тексты. Екатеринбург, 1995.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Устный текст как источник социокультурной информации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 222–232.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999. (Сер. «*Studia Humanitatis*»; Т. 5.)

Лаптева О. А. Культура речи и языковая политика // Рус. речь. 2006. № 1.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003 (по выбору: ч. 1, гл. 1; ч. 2, гл. 2, 5).

Справочные издания

КРР – Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева. М., 2003.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М., 2003.

УС – Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Автор Т. В. Матвеева. М., 2003.

МАТЕРИАЛЫ К СЕМИНАРУ

Л. К. Граудина¹

РЕГУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

<...> Если думать о том, что именно составляет специфику культуры речи как особой языковедческой дисциплины, то нельзя не заметить, что для нее особенно важными являются: 1) проблема

¹ Граудина Л. К. Основные признаки культуры речи как языковедческой дисциплины // Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М., 2001. С. 25–30.

литературной нормы, ее теоретическая и культурологическая интерпретация; 2) регулятивный аспект, предусматривающий поддержку, защиту и охрану русского языка от неблагоприятных и разрушительных влияний.

25 октября 1991 г. был принят закон о языках народов РСФСР, в котором русский язык объявлен государственным. В настоящее время разработана Федеральная программа поддержки русского языка. При создании сетки Федеральной программы язык рассматривался в трех главных аспектах: русский язык как государственный, как национальный и как мировой. В последнем случае предусматривалась функция русского языка как международного. Специально оговаривалась выработка государственной политики по отношению к русскому языку, что относится, бесспорно, и к культуре его использования.

С государственной политикой связано общее направление деятельности государства в области языка. В компетенцию государства входит прежде всего защита широкой сферы функционирования языка. <...>

Велика роль государства в деле развития русистики, филологического образования и преподавания русского языка, учреждения гуманитарных учреждений, их устройства и финансирования, что также составляет важнейшую часть поддержки русской культуры, науки и языка.

Имеются и негативные стороны попыток воздействия власти на язык. И тут важно помнить: следует изучать современный язык, но и его история нас многому учит. Если у реки можно изменить направление, забрать ее в коллекторы, то язык, который часто сравнивают с водной стихией, в коллекторные трубы не заберешь. Регулирование, связанное с языком, должно предполагать и долю свободы, возможность стилистического выбора. Мы обязаны учитывать, что иногда употребление слов носит стихийный характер. В этом отношении поучительны примеры прямого вмешательства власти и попытки ее воздействия на язык.

Так, Павел I запретил употребление слов *общество, отечество, стражса, граждане*. Следовало говорить не *граждане*, а *жители*, не *отечество*, а *государство*, не *стражса*, а *караул*, не *клуб*, а *собрание*. Наказание за нарушение предписаний было строгим. <...>

В ХХ в. иллюстрации еще более разительны. Нельзя было говорить и думать, а тем более писать обо всем том, что не устраивало правящий режим. В советский период государством был создан специфический словарь идеологем и разработаны семантические сферы новой русской идеологии. В проспекте энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи» подчеркивается значение сознательного воздействия государственной власти на язык: «Формирование и поддержание особого идеологизированного языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определенную картину социальной действительности. Наличие или отсутствие термина как бы подтверждает наличие и отсутствие обозначаемого им явления (например, *развитой социализм, новый класс*)».

В соответствии с государственными идеологическими установлениями, которые в той или иной мере приходилось отражать в толковых словарях советской эпохи, были расставлены знаки оценки слов, относящихся к семантическому полю *идеологем*. Так, еще совсем недавно (до 1990-х гг.) только с отрицательной коннотацией использовались все термины и номинации, относящиеся к правящим классам в XIX в.: *аристократ, дворянин, буржуа, предприниматель, помещик, барин, крепостник, господин, вельможа* и т. п. В наши дни активно развивается процесс энантиосемии, и знаки оценок у многих из этих слов меняются на противоположные – из отрицательных на положительные и наоборот.

Второй пример. Значительные полномочия были даны государственной *цензуре* и лицам, осуществляющим надзор за печатью. Так, министр иностранных дел А. Козырев вспоминал, что старый МИД (работавший при А. Громыко) старательно вычеркивал из всех мидовских документов словосочетание *мировое сообщество*: «Что это такое? С кем общаться? С капиталистическими странами? Увольте» (из телепрограммы НТВ «Герой дня» – 26.01.1996).

Деятельность цензуры особенно памятна словарникам и лексикографам. Сохранились ставшие теперь историческими устные воспоминания. Членам редколлегии «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова запомнилась, например, работа над буквой «Л». В одном из первых списков словарника после слова *ленинец* шло слово *лентяй*. Редактор в издательстве спрашивал: «Чего вы хотите,

чего добиваетесь?» Между этими словами тогда пришлось вставить слово *ленинградец*, хотя патронимическая лексика (типа *москвич, архангелогородец* и др.) в толковые словари не вводилась. В окончательном тексте словаря этой неловкости удалось избежать. <...>

После того как была провозглашена политика гласности (с 1985 г.) и официально отменена цензура, в обществе воцарилась свобода слова: пиши, как думаешь, говори, что хочешь. Ни запрета, ни контроля. Но, что очень плохо, нередко нет и необходимого самоконтроля, и тем более – даже попыток самоограничения. В этих условиях, конечно же, лица, облеченные государственной властью, не могут оставаться равнодушными к фактам откровенного бескультурья. <...>

В отличие от *государственной политики* (по отношению к языку) вектор *лингвистической политики* обращен в другую сторону, хотя вопросы защиты, охраны и поддержки литературного языка – общие для всех сфер. Перед лингвистами, филологами, преподавателями русского языка стоит задача воспитания и обогащения индивидуального культурного языкового опыта каждого человека. «Чем меньше культурный опыт человека, – замечал академик Д. С. Лихачев, – тем беднее не только его язык, но и «концептосфера» его словарного запаса, как активного, так и пассивного».

Наиболее точно значение и роль *языковой политики* определил проф. Г. О. Винокур в книге «Культура языка»: «*Целью языковой политики может быть только сам язык. В противном случае язык превращается лишь в средство, объект достижения целей собственно политических, а не культурно-лингвистических... Языковая политика есть не что иное, как основанное на точном, научном понимании дела руководство социальными лингвистическими нуждами*».

Роль лингвистов в *языковом строительстве* чрезвычайно велика. С одной стороны, они создают учебники по русскому языку, грамматики, стилистики, риторики и словари разного типа, которые аккумулируют сложившиеся к нашему времени культурные, преподавательские и научные знания. С другой стороны, не менее важна деятельность лингвистов в области защиты, поддержки и развития литературного языка как высшей формы существования языка в его обработанной, полифункциональной, стилистически диффе-

ренцированной системе. Являясь общенародным средством коммуникации, литературный язык вступает во взаимодействие с различными стратами национального языка – с региональными (в двуязычной или многоязычной среде), с диалектами (в деревнях разных областей страны), с городским просторечием, с жаргонами, профессиональными языковыми реализациями. Для литературного языка имеют значение не только отмеченные связи и взаимодействия по горизонтали, но и виртуальные (возможные при определенных условиях) характеристики по вертикали. Русский литературный язык при всей своей гибкости и разносторонней развитости на протяжении истории, в том числе и новейшей, никогда не оставался неизменным. В этих условиях неизбежно со всей остротой вставали и встают вопросы нормализации литературного языка, выработки единых кодификационных норм. Языковые нормы, как лексические, так и грамматические, регистрируются словарями, грамматиками, стилистиками, риториками. Такую регистрацию, фиксацию языковой нормы теперь принято называть ее **кодификацией** (термин, предложенный чешским лингвистом профессором Б. Гавранком). В случаях достаточно частотных и регулярных кодификация не представляет трудностей и адекватна объективно существующей норме. Сложнее обстоит дело тогда, когда в речи встречаются варианты, потому что именно в этой ситуации возникает проблема выбора и проблема сопоставления, оценки вариантов с точки зрения их «литературности», соответствия нормам современного языка. <...> Встречаясь с подобными явлениями, давая им оценку, лингвист уже не просто регистрирует общепризнанное, единое, не вызывающее возражений употребление – он активно вмешивается в литературный язык, предписывая говорящим и пишущим, какую форму они должны употреблять, то есть занимается нормализацией языка. Термином **нормализация**, таким образом, обозначается сложный комплекс видов деятельности лингвистов, предполагающий: 1) изучение проблемы определения и установления нормы литературного языка; 2) исследование в нормативных целях языковой практики в ее отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда появляется необходимость укрепления норм литературного языка.

Идея нормативности, активного упорядочения словоупотребления, произношения, грамматических норм должна быть противопоставлена **пассивной позиции объективистов**, ставящих задачи констатации и добросовестного описания всех фактов языка и не берущих на себя смелость выносить решения и рекомендации. Поза стороннего наблюдателя была в особенности не по душе лингвистам-русистам в 20–30-е гг. XX в., когда царила языковая смута и многие вопросы языкового строительства требовали незамедлительного практического разрешения. Вот одно из высказываний тех лет: «Некоторые думают, что нужно предоставить дело своей судьбе: перемелется – мука будет; незачем вмешиваться в естественный процесс развития языка; все образуется со временем само собой... Это – противники языковой политики...»

Не следует забывать, что языковая политика всегда считалась не только общим филологическим делом, она являлась и является средоточием многих интересов, а главное, всегда была проникнута оценочными суждениями. <...>

Основу нормализации языка составляет анализ современного состояния языка и его литературной нормы в свете закономерностей исторического развития. Языковая норма, хотя бы и неосознанная, свойственна разным формам существования языка: диалектам, языку народностей, общенародному языку. Но о языковой норме в полном смысле этого слова, то есть как о категории осознанной и фиксированной в общеобязательных правилах, можно говорить только применительно к эпохе формирования языка с сопутствующим этому процессу преобразованием его литературно-письменной формы. <...>

К конструктивным признакам языковой нормы относятся **план кодификации** и **план функционирования** речевой деятельности, в процессе которой происходит реализация кодифицированных норм. <...> Кодификация как свод языковых правил может существовать отдельно от говорящих. Тогда как функционирующие нормы, то есть нормы в действии, не могут существовать вне коллектива, вне личностей.

Идеал кодификации заключается в незыблемости, стабильности языковых установлений. Функциональные же и стилистические

потребности языка создают условия для возможных его изменений, прежде всего в норме употребления языковых единиц. <...>

Е. Н. Ширяев²

КУЛЬТУРА РЕЧИ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

<...> Понятие «культура речи» теснейшим образом связано с понятием «литературный язык», одно предполагает другое. Литературный язык по своей сути таков, что требует осознанного культивирования, которое осуществляется по разным направлениям. Основными среди них являются следующие: поставить литературный язык над диалектами; разработать для этого общенациональные нормы; создать развитую систему функциональных разновидностей языка, способную удовлетворить запросы общества в деле развития государственности, производства, науки, культуры. В соответствии с этим культура речи призвана обеспечить соблюдение современных норм литературного языка и владение его разными функциональными разновидностями. <...>

Можно, по-видимому, сказать, что лингвистическая дисциплина, называемая культурой речи, возникает вместе со становлением и развитием литературного языка. Ее конечная задача, или, если угодно, сверхзадача, – сохранение и совершенствование литературного языка, с одной стороны, как важнейшей составляющей общей культуры каждой личности, а с другой – как важнейшей части общего национального достояния. <...>

Взаимоотношения литературного языка и нелитературных образований формируют то, что обычно называют языковой ситуацией. Остановимся несколько подробнее на тех аспектах русской языковой ситуации, которые имеют непосредственное отношение к культуре речи.

Литературный язык обязан стоять над диалектами как территориальными образованиями. Однако отношения диалектов и ли-

тературного языка не являются антагонистичными. Достаточно в этом плане указать на два общеизвестных факта: а) многие литературные языки, и русский в том числе, имеют диалектную основу; б) словарный состав литературного языка, прежде всего языка художественной литературы, пополняется за счет диалектов. <...> Теперь перед лингвистами всталась общекультурная задача: вернуть общество к оценке диалектов как богатейшего национального достояния. Из этого, разумеется, никак не следует, что диалекты могут заменить литературный язык. <...>

<...> Резкая противопоставленность литературного языка и диалекта (непrestижность диалекта) существенно отличает современную русскую языковую ситуацию от многих других, в частности европейских, языковых ситуаций, в которых диалект любят и престижен, а потому диалектные явления вполне допустимы как минимум в обыденной речи высокоавторитетных носителей литературного языка. <...>

Непrestижным, как и диалект, в современной русской языковой ситуации считается и *просторечие*. <...> Просторечие формируется за счет двух основных факторов: а) это речь людей, сохранивших или принявших «по наследству» некоторые диалектные черты; б) это речь людей, не вполне овладевших нормами литературного языка. Второй фактор особенно ярко проявляется в том, что в просторечии нет такой основополагающей черты литературного языка, как функциональная дифференциация вариантов общения. <...>

Если в основе диалекта, как и литературного языка, лежит особая языковая система, то просторечие, как правило, имеет черты «испорченной» системы литературного языка. И поэтому, как кажется, непrestижность просторечия оправданна: просторечный носитель языка отошел от диалекта, но не пришел к литературному языку. <...>

Кажется заведомо ясным, что граница между носителями просторечия и средними носителями литературного языка весьма зыбка и неопределенна. Поэтому необходимо установить, какие черты просторечия, связанные с диалектом, не лишают говорящего статуса носителя литературного языка, а какие для носителя литературного языка неприемлемы. <...>

² Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура речи и эффективность общения / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М., 1996. С. 7–41.

Если одновременное владение диалектом и литературным языком – явление пока, как сказано, исключительное, то владение и жаргоном, и литературным языком вполне обычно. <...> Вопрос о жаргоне не был бы особенно актуален для культуры речи, если бы не одно обстоятельство. Обычно жаргоны рассматриваются их носителями, а иногда и писателями как языковой изыск, интересное языковое творчество, а литературный язык – как нечто необходимое, но чрезвычайно сухое и неинтересное. <...>

<...> Надо обратить особое внимание на то, что *жаргон* – это не только примитивная речь, но она еще отражает и примитивное сознание. Поэтому для носителей жаргона овладение высокой культурой пользования литературным языком весьма затруднено, поскольку требует избавления не только от речевых жаргонных привычек, но и от «примитивного жаргонного сознания», что весьма сложно. <...>

В специальном рассмотрении нуждается в современной русской языковой ситуации еще одно образование – *разговорная речь*. Если мы говорим о сознательном культивировании литературного языка и культуре владения им, то особо должен в этом плане обсуждаться вопрос о статусе разговорной речи. <...>

<...> Разговорной считается речь высокообразованных носителей литературного языка, реализующаяся по преимуществу в устной форме, спонтанно, в неофициальной обстановке, при непосредственном общении. Такая речь отличается столь существенными особенностями на всех языковых уровнях, что появляется необходимость противопоставить разговорную речь кодифицированному (в нормативных словарях и грамматиках) литературному языку как особую знаковую систему. Русская разговорная речь в отличие от соответствующих эквивалентных образований многих других языков не знает диалектного влияния. Тот факт, что русской разговорной речью пользуются носители языка, безупречно владеющие всеми функциональными разновидностями литературного языка, позволяет рассматривать русскую разговорную речь как одну из функциональных разновидностей.

Таким образом, будем исходить из убеждения, что русский литературный язык включает два разносистемных образования: ко-

дифицированный литературный язык и разговорную речь, которую только сила традиции мешает назвать разговорным языком. <...> С точки зрения культуры владения языком разговорная речь является особым объектом. Сложность изучения разговорной речи в плане культуры речи состоит в том, что ее спонтанное осуществление, отсутствие контроля за исполнением, который обычен при общении на кодифицированном литературном языке, приводят к неизбежному проценту ошибок и недочетов, которые должны быть отграничены от норм разговорной речи, в свою очередь в кодифицированном литературном языке справедливо квалифицирующихся как ненормативные явления.

Еще одной неисследованной областью языка вообще и культуры речи в частности является область устных реализаций тех или иных разновидностей кодифицированного литературного языка. <...> Культура пользования устной кодифицированной речью заслуживает самого пристального внимания. И в этой разновидности литературного языка важно разграничить закономерности и ошибки, которые в устной речи почти неизбежны.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) литературный язык является осознанно культивируемым языком; задачи культивирования литературного языка предопределяют существование особой лингвистической дисциплины – культуры речи;

2) в русской языковой ситуации литературный язык резко противопоставлен диалектам и просторечию, а также таким социальным нелiterатурным образованиям, как жаргоны, арго и пр.; противопоставление литературного языка диалектам не может и не должно ущемлять престиж диалекта как части национальной культуры; что же касается жаргонов и арго, то есть все основания думать, что они отражают некоторый примитивный (не в лучшем смысле этого слова) тип мышления в отличие от того высокого интеллектуального потенциала, который несет в себе литературный язык;

3) особого подхода в аспекте культуры речи требуют такие формы литературного языка, как разговорная речь и устная реализация кодифицированного литературного языка.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Языковая норма

<...> В первом приближении языковая норма – это то, как принято говорить и писать в данном обществе в данную эпоху. Иначе: норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств (в данном обществе в данную эпоху). Понятие нормы неразрывно связано с понятием литературного языка. Литературный язык и называют часто языком нормированным.

<...> Существует ли норма в других подсистемах национального языка – например, в диалектах, в просторечии, в жаргонах? Ведь люди, говорящие, скажем, на северорусском «окающим» диалекте, используют его также в соответствии с неким установившимся порядком, в согласии с многовековой традицией. <...> Однако отличие нормы литературного языка от нормы диалекта или жаргона состоит в том, что литературная норма сознательно культивируется: она фиксируется в словарях и грамматиках, ей обучают в школе, ее пропагандируют в книгах, по радио и телевидению, всякое культурное общение людей происходит обычно в соответствии с нормами литературного языка. В диалектах, а тем более в просторечии и жаргонах этого нет: имеется традиция использования языковых средств, но никто из носителей диалекта не оберегает его от каких-либо влияний, не культивирует сознательно и целенаправленно диалектные образцы речи, речевого общения.

Имея в виду различие нормы культивируемой и нормы как результата длительной традиции, уругвайский ученый Э. Косериу предложил разграничивать два смысла понятия нормы: в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе», а в узком смысле норма – это результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению.

³ Беликов В. И., Крысин Л. П. Основные понятия социолингвистики // Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001. С. 19–71.

Усилия общества по сохранению нормы, целенаправленная разработка правил и предписаний, призванных способствовать такому сохранению и научно обоснованному обновлению норм, называется лингвистической кодификацией. Кодификации обычно подвергается не весь национальный язык, а только те его подсистемы (субкоды), которые наиболее важны в социальном и коммуникативном отношениях. Таким социально и коммуникативно важным средством общения чаще всего оказывается литературный язык, который в письменной своей форме называется кодифицированной подсистемой национального языка, в отличие от других подсистем, которые не подвергаются кодификации и поэтому называются некодифицированными (территориальные диалекты, социальные и профессиональные арго и жаргоны, койне, пиджины).

Литературный язык (стандарт)

<...> Понятие литературного языка может определяться как на основе лингвистических свойств, присущих этой подсистеме национального языка, так и путем ограничения совокупности носителей данной подсистемы, выделения ее из общего состава людей, пользующихся данным национальным языком. Первый способ определения лингвистичен, второй социологичен.

<...> С социолингвистической точки зрения собственно лингвистический подход к определению языковых подсистем, и в частности литературного языка, недостаточен. Он не дает ответа на вопрос, кого, какие слои населения надо считать носителями данной подсистемы, и в этом смысле определения, основанные на чисто лингвистических критериях, неоперациональны. Исходя из этого, при решении задач социолингвистического изучения языка иногда используют иной, «внешний» критерий определения понятия «литературный язык» – через совокупность носителей данного языка.

Обследуя с социолингвистическими целями совокупность носителей этого языка, ученые сформулировали следующие признаки, которыми носители литературного варианта национального языка должны отличаться от лиц, пользующихся иными подсистемами (диалектами, просторечием, жаргонами): 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или

среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке.

Такое определение соответствует традиционному представлению о литературном языке как языке образованной, культурной части народа.

Во-первых, наблюдения показывают, что лица, для которых русский язык неродной, даже в том случае, когда говорящий владеет им свободно, обнаруживают в своей речи черты, в той или иной степени обусловленные интерференцией. Например, ...в речевой практике тюркоязычных говорящих, использующих русский язык, непоследовательно противопоставление твердых и мягких согласных (мягкий может произноситься на месте твердого: *бил* вместо *был*, а твердый – на месте мягкого: *хытрый* вместо *хитрый* и т. п.). Это лишает исследователя возможности считать таких людей однородными в языковом отношении с лицами, для которых русский язык родной.

Во-вторых, вполне очевидно, что город способствует столкновению и взаимному влиянию разнодialectных речевых стихий, смешению диалектов. Влияние языка прессы, радио и телевидения, речи образованных слоев населения в городе проявляется гораздо интенсивнее, чем в деревне. Кроме того, в деревне литературному языку противостоит организованная система одного диалекта, а в городе – так называемый *интердиалект*, составляющие которого находятся между собой в неустойчивых, меняющихся отношениях. Это приводит к нивелировке диалектных речевых черт или к их локализации (например, только в семейном общении) либо к полному их вытеснению под давлением литературной речи. Поэтому люди, хотя и родившиеся в деревне, но всю свою сознательную жизнь живущие в городе, также должны быть включены – наряду с коренными горожанами – в понятие «жители городов» и, при прочих равных условиях, в понятие «носители литературного языка».

В-третьих, критерий «наличие высшего или среднего образования» представляется необходимым потому, что годы учения в школе и высшем учебном заведении способствуют более полному, более совершенному овладению нормами литературного языка, устраниению из речи человека черт, которые противоречат этим нормам и отражают диалектный или просторечный узус, – по той простой причине, что обучение в школе, и в вузе ведется исключительно на литературном языке.

Литературный язык обладает рядом свойств, которые отличают его от других подсистем национального языка:

1) это кодифицированная подсистема, о чем мы уже говорили выше; она характеризуется более или менее устойчивой нормой, единой и общеобязательной для всех говорящих на литературном языке, и эта норма целенаправленно культивируется;

2) это полифункциональная подсистема: она пригодна для использования в разнообразных сферах человеческой деятельности. В соответствии с многообразными сферами использования и различными функциями, которые он выполняет, литературный язык делится на разновидности (книжную и разговорную) и функциональные стили (научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический). Функциональные стили подразделяются на речевые жанры;

3) литературный язык социально престижен: будучи компонентом культуры, он представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие, независимо от того, владеют они этой подсистемой или какой-либо другой. Такая ориентация означает не столько стремление овладеть литературным языком, сколько понимание его большей авторитетности по сравнению с территориальными диалектами, просторечием, социальными и профессиональными жаргонами.

Диалект

Термин «диалект» используется обычно для обозначения территориальных разновидностей языка и чаще применяется к разновидностям речи, которыми пользуются сельские жители, хотя в специальной литературе можно встретить словосочетания «социальные диалекты», «городские диалекты», «профессиональные диалекты» и т. п. <...> Территориальный, или местный, диалект по своему названию свидетельствует скорее о географическом, нежели социальном делении языка. Однако территориальная локализованность – лишь одна из характерных черт этой подсистемы национального языка. Одновременно это и социальная языковая раз-

новидность, поскольку местным диалектом владеет круг лиц, достаточно определенных в социальном отношении: в современных условиях, во всяком случае в русском языковом сообществе, это крестьяне старшего поколения. <...> Отметим основные свойства территориальных диалектов, отличающие эту разновидность национального языка от всех других. К ним относятся:

- 1) социальная, возрастная и отчасти половая ограниченность круга носителей диалекта (это главным образом сельские жительницы старшего поколения);
- 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями;
- 3) образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем;
- 4) нивелирование своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка (через средства массовой информации, книги, систему образования и т. п.).

Социолект

<...> Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг, профессиональный «язык» тех, кто работает на компьютерах, разнообразные торговые арго (например, «челноков», торговцев наркотиками) и др.

Термин «социолект» удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживаются коммуникативные потребности социально ограниченных групп людей.

Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа же социолектов – словарная и грамматическая – обычно мало чем отличается от ха-

рактерной для данного национального языка. Так, в современном уголовном арго имеется довольно большое число специфических обозначений, в том числе метафорических: *балда* ‘голова’, *кусок* ‘тысяча рублей’, *мент* ‘милиционер’, *хаза*, *малина* ‘воровской приятон’, *хрусты* ‘деньги’, *шмонать* ‘объскивать’, *этапка* ‘пересыльная тюрьма’ и т. п., но склонение и спряжение этих слов, их объединение в предложения осуществляются по общеязыковым моделям и правилам; общеязыковой является и лексика, не обозначающая какие-либо специфические реалии «профессиональной» и бытовой жизни уголовников (*Удалили меня по балде*; *Это он купил за два куска*; *На хазу нагрянули менты и обшмонали всех, кто там был* и т. п.).

Арго. Жаргон. Сленг

Термины «арго» и «жаргон» – французские по происхождению, «сленг» – английский. Эти термины часто употребляются как синонимы. Однако целесообразно разграничивать понятия, скрывающиеся за этими названиями: арго – это, в отличие от жаргона, в той или иной степени тайный язык, создаваемый специально для того, чтобы сделать речь данной социальной группы непонятной для посторонних. Поэтому предпочтительнее словосочетания «воровское арго», «арго оленей» – бродячих торговцев в России XIX в., нежели «воровской жаргон», «жаргон оленей». Как считают авторы современного словаря лингвистических терминов, «...в жаргоне преобладает выражение принадлежности к [данной] группе, в арго – языковая маскировка содержания коммуникации». Но такое противопоставление касается прежде всего истории формирования жаргонов и арго. Синхронно «секретность» уголовного арго весьма относительна; те, кто борется с преступностью, как правило, владеют этим языком вполне хорошо, а идея тайно договориться на арго в присутствии предполагаемой жертвы преступления выглядит вообще наивно. Для этой цели в рамках конкретных преступных сообществ создаются разовые коды того же типа, какими, судя по кинофильмам, пользуются в открытой переписке вражеские шпионы и советские разведчики: обычным словам придаются особые тайные значения, причем так, чтобы для постороннего слушателя речь не казалась странной и имела бы свой обычный смысл, складывающийся из нормативных лексических значений. «Скрыт-

ность» же языка уголовников чаще нарочитая, показная, рассчитанная в первую очередь на сохранение групповой идентичности, на противопоставление «своих» и «не своих». В арго существует множество слов, которые, в силу незначительного отличия от нормативных, не могут претендовать на секретность (ср. *поджениться* ‘завести сожительницу’), в других случаях внешне неотличимые от нормативных единицы имеют в арго лишь несущественные для рядового носителя языка отличия в семантике. Неслучайно в арго слово *люди* обозначает лишь тех, кто соблюдает воровской закон; если, входя в камеру, вор (не любое ‘лицо, совершившее кражу’, как в нормативном языке, а тот, кто имеет признаваемый в уголовном мире ранг вора в законе) спрашивает: «Люди есть?», он имеет в виду принадлежащих к уголовному миру. Еще одна причина существования арго – потребность в удовлетворении экспрессии. В связи с этим многие словарные единицы заменяются в арго относительно часто, другие, эмоционально менее окрашенные, остаются неизменными на протяжении столетий. Д. С. Лихачев указывает на еще одну важную причину возникновения и существования арго: особенностью воровского мышления является наличие элементов магического отношения к миру. Первобытно-магическое восприятие оказывается и на отношении к языку: неудачно, не вовремя сказанное слово может навлечь несчастье, провалить начатое дело. В связи с этим в преступном мире обычные слова заменяются арго-тическими, существует также ряд табуированных тем, о которых не принято говорить даже на арго. В этом отношении уголовное арго напоминает жаргонную и профессиональную речь охотников, военных и лиц других связанных с риском профессий.

<...> Термин «сленг» более характерен для западной лингвистической традиции. Содержательно он близок к тому, что обозначается термином «жаргон».

Арго, жаргон, сленг – это разновидности социолекта. Специфика каждого из этих языковых образований может быть обусловлена профессиональной обособленностью тех или иных групп либо их социальной ограниченностью от остального общества. Компьютерный жаргон (сленг) – пример профессионально специфичных языковых образований, воровское арго, студенческий сленг – примеры социально специфичных субкодов. Иногда группа может быть

обособлена и профессионально, и социально; речь такой группы обладает свойствами и профессионального, и социального жаргона (арго, сленга). Пример – солдатский жаргон, поскольку военное дело представляет собой профессию, а люди, занимающиеся этой профессией, живут своей, достаточно обособленной от остального общества, жизнью.

Койне

Термин «койне» (греч. «общий язык») первоначально применялся лишь к общегреческому языку, который сложился в IV–III вв. до н. э. и служил единым языком деловой, научной и художественной литературы Греции до II–III вв. н. э.

В современной социолингвистике койне понимается как такое средство повседневного общения, которое связывает людей, говорящих на разных региональных или социальных вариантах данного языка. В роли койне могут выступать наддиалектные формы языка – своеобразные интердиалекты, объединяющие в себе черты разных территориальных диалектов, – или один из языков, функционирующих в данном ареале.

Понятие койне особенно актуально при описании языковой жизни больших городов, в которых перемешиваются массы людей с разными речевыми навыками. Межгрупповое общение в условиях города требует выработки такого средства коммуникации, которое было бы понятно всем. Так появляются городские койне, обслуживающие нужды повседневного, главным образом устного, общения разных групп городского населения.

Помимо городских койне выделяют койне ареала, т. е. определенной территории, на которой распространен данный язык (или языки).

Просторечие

Просторечие – это речь необразованного и полуобразованного городского населения, не владеющего литературными нормами. Просторечие можно рассматривать как разновидность койне. Сам термин «просторечие» употребителен главным образом в отечественной социолингвистике, поскольку просторечие – «наиболее русская» языковая подсистема, специфичная для русского нацио-

нального языка. Если территориальные диалекты и тем более литературный язык имеют прямые аналоги в других национальных языках, то у просторечия таких аналогов нет.

<...> Подобное владение разными подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения называется внутриязыковой *диглоссией* (от греч. «дву(х)»- и «язык»: буквально – «двуязычие»).

Помимо этого, диглоссия может обозначать и владение разными языками, тогда термин употребляется без определения «внутриязыковая». <...>

Коммуникативная компетенция носителя языка

В процессе речевой коммуникации люди пользуются средствами языка – его словарем и грамматикой – для построения высказываний, которые были бы понятны адресату. Однако знания только словаря и грамматики недостаточно для того, чтобы общение на данном языке было успешным: надо знать еще условия употребления тех или иных языковых единиц и их сочетаний. Иначе говоря, помимо собственно грамматики носитель языка должен усвоить «сituативную грамматику», которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложениях, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и других факторов, которые в совокупности с собственно языковыми знаниями составляют коммуникативную компетенцию носителя языка⁴.

Характер навыков общения, входящих в коммуникативную компетенцию и отличающихся от знания собственно языка, можно проиллюстрировать на примере так называемых косвенных речевых актов. Косвенным называется такой речевой акт, форма которого не соответствует его значению и цели. Например, если сосед за обеденным столом обращается к вам со следующими словами: *Не могли бы вы передать мне соль?*, то по форме это вопрос,

а по сути просьба, и ответом на нее должно быть ваше действие: вы передаете соседу солонку. Если же вы поймете эту просьбу как вопрос и ответите утвердительно: *Да* или *Могу*, не производя соответствующего действия и дожидаясь, когда же собеседник действительно прямо попросит вас передать ему соль, – процесс коммуникации будет нарушен: вы поступите не так, как ожидал говорящий и как принято реагировать на подобные вопросы-просьбы в аналогичных ситуациях.

Р. Якобсон обратил внимание на то, что в роли слушающего человек обладает более высоким уровнем языковой компетенции, чем в роли говорящего. «Интересной лингвистической задачей», – писал он, – является точное сравнение более высокой, как правило, языковой компетенции индивида в роли слушающего с более низкой языковой компетенцией того же индивида в роли говорящего».

Это несоответствие отражает фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями – *знанием* и *владением*. Знание – например, языка – может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных *активных навыков* в обращении с языковыми средствами.

В сферу коммуникативной компетенции входят правила этикета (в русском языковом сообществе они касаются, в частности, употребления местоимений *ты* и *вы*, в японском и корейском – многообразных глагольных форм вежливости), правила общения ребенка со взрослыми (и взрослых с детьми), правила общения со «своим» и с «чужим», с «высшим», «низшим» и равным (по социальному статусу), правила соблюдения «социальной дистанции» при значительной асимметрии социального положения участников коммуникации, разнообразные поведенческие (но выражаются и в языке) стратегии, управляющие реализацией таких речевых актов, как просьба, требование, обвинение, угроза, обещание и многое другое.

Большая часть этих правил и стратегий – «неписаные»: еще не созданы ситуативные грамматики (о чём мы говорили в конце предыдущего раздела), которые регламентировали бы речевое поведение человека в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. Вместе с тем подавляющее большинство носителей языка владеет правилами и стратегиями речевого общения в разнообразных жизненных обстоятельствах, что обеспечивает нормальное и эффективное взаимодействие их друг с другом.

⁴ Наряду с термином «коммуникативная компетенция» некоторые ученые используют термин «социолингвистическая компетенция». Например, С. Эрвин-Трипп настаивает на предпочтении именно этого термина, поскольку «необходимо исключить многие формы владения неязыковой коммуникацией».

Б. А. Ларин⁵

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГОРОДА

<...> Разговорные и письменные городские арго должны рассматриваться как третий основной круг языковых явлений, так как: 1) они в своей цельности не совпадают ни с литературным языком, ни с деревенскими диалектами; 2) они своеобразны и по социальной основе, и по чисто лингвистическим признакам, а потому никак несводимы целиком к двум первым языковым сферам; 3) изучение их выделяется и специфической чертой теоретического порядка, что ведет к выработке и особых научных методов. Эта черта – теснейшая взаимная обусловленность двух или нескольких языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы (соответственно индивида) в силу того, что она (или индивид) со-принадлежит одновременно нескольким и разным по охвату коллективам. <...>

Тесная бытовая спайка обуславливает языковую ассимиляцию, сложение своеобразных у данного коллектива разговорных (и письменных) типов речи. Следовательно, мы могли бы предполагать некоторую языковую специфику, например, у студенчества, солдат и моряков, у рабочих одной фабрики и в несколько меньшей мере у лиц, принадлежащих к одной профессии, – у служащих одного учреждения и у служащих вообще – в меру постоянства, прочности контингента этих групп.

<...> Усилившийся взаимный обмен, большая однородность источников пополнения при растущей солидарности городского населения неизбежно приведут, конечно, к образованию однотипного разговорного языка города, параллельного, но не совпадающего с книжно-литературным. <...>

Когда называют *арго* или *жаргоном* неумелое употребление литературного языка, неполное им владение в промежуточных группах городского населения (как, например, у некоторых героев Зощенко), то делают по меньшей мере терминологическую ошибку. Ряд индивидуальных языковых неологизмов (в результате сме-

шения основного для данного лица диалекта со вторым, мало ему известным) не может быть признан, конечно, ни самостоятельной лингвистической системой, ни арго, так как в этом случае нет никакой «условности», обобществленности и, главное, нет дублирования терминов, второго языкового ряда. Эти индивидуальные неологизмы по большей части незаменимы, выражают в намеке какие-то смысловые новообразования и могут послужить источником пополнения арго, как и литературного языка, но не относятся еще ни к тому, ни к другому.

Мне кажется более правильным *представление об арго как о двуязычии*, при котором арготический ряд принимается за основной и исходный; а второй языковой ряд надо пока считать искомым (а не утверждать, что им может быть только литературный язык) и второстепенным.

<...> «Говорящим на арго» должен быть назван именно тот, для кого литературный язык или всякий другой знакомый ему тип языка так же вторичен, затруднителен, необычен, как... для нас подлинные арго.

<...> Арго принадлежит к смешанным языкам, особенно ввиду двуязычия их носителей. Они имеют свою фонетику и морфологию, хотя и не «особую», не оригинальную. Но принципиального отличия от литературных языков (всегда тоже смешанных) тут нет, есть лишь относительное, количественное различие. <...>

Арго не совпадает со «специальным профессиональным языком» не потому, что в нем слова оказываются потенциальными синонимами к другим каким-нибудь, а не единственными незаменимыми наименованиями, а потому, что никаких «специальных профессиональных языков» нет – есть лишь специальная профессиональная терминология в литературных и других языках, тогда как арго является равноправным со всяkim другим смешанным языком более или менее обособленного коллектива, притом всегда двуязычного. Социальная (а не индивидуальная) природа арго, его системность и устойчивость (наличие особой «нормы арго») являются его важными признаками.

<...> Необходимо отграничить арго от «словесной игры», вернее «словесного маскарада» школьников и торговцев, состоящих в механически-однообразном искажении всех или некоторых слов,

⁵ Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 175–189.

при неприкосновенной верности в остальных элементах нормальному языку, так как здесь нет никакого двуязычия, а лишь условное использование данного языка в очень специфической функции. <...> Только известная речевая система, притом имеющая значение основной, первой для какой-нибудь социальной группы, может быть названа арго. В отличие от крестьянских диалектов и литературного языка, она всегда имеет параллельный языковой ряд, тесно связанный и во многом совпадающий с первым.

<...> Специфический признак арготического двуязычия в неотчетливом разграничении, вернее, неполном выделении второго языкового ряда. С одной стороны, в арго постоянно включаются элементы второго ряда (обычно такого, который имеет большое социальное значение, приобщает к более широкому кругу), с другой стороны – ряд элементов его непереводим, т. е. носители арго не знают эквивалента из другого ряда.

Б. А. Ларин⁶

К ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОРОДА

1. Литературные языки генетически связаны с городом, но они давно уже «выросли» из этой своей колыбели, и настолько, что не могут заменять или представлять собой языковую культуру города. <...> Ясно, что именно отсутствие в научной традиции «диалектологии города» обуславливает и явно ощутимую задержку разработки культурно-исторических вопросов языковедения. <...> Содержание лингвистической истории большого города – в борьбе языков, отражающей непрестанное столкновение и скрещение в нем разнородных культур.

2. Всякая устойчивая социальная группа... объединяется общностью языка, наличием... одного общего языка. <...> Язык, таким образом, оказывается всегда фактором социальной дифференциации не в меньшей мере, чем социальной интеграции. Мы сильнее даже ощущаем его организационную роль – поскольку он бывает

средством обособления общественных групп. Именно против остальных каждая языковая «партия» в городе отстаивает «свой» язык, т. е. тот, какой наиболее привычен ее членам. <...>

В силу этого языковое разнообразие города двояко: 1) оно не только во встрече разноязычных коллективов (будем называть это *многоязычием города*), но еще и 2) в многообразии языковых навыков каждой группы (спаянной каким-нибудь одним наречием), т. е. в *двудиалектности и многодиалектности*, – в зачаточном или совершенном *полиглотовстве* горожан.

3. <...> Однодиалектность в строгом смысле теперь не характеризует и сельское население: великорусское крестьянство двудиалектно, так как пользуется и местным говором, и... общегосударственным языком. <...> В городе же однодиалектных и вовсе не приходится учитывать. <...> В каждом слое городского населения, кроме первичного «своего» наречия, необходимо располагают еще каким-либо универсальным языковым типом, приобщающим к большой социальной среде. <...>

<...> Из двух или нескольких диалектов, знакомых какой-нибудь группе городского населения, один всегда будет предпочтительным для нее, и потому естественно, что, примыкая к некоей языковой «партии», все стремятся этому одному диалекту обеспечить наибольшее распространение. Понятно, что предпосылкой языковой борьбы является относительная численность приверженцев у разных диалектов. А исход борьбы определяется – кроме других моментов – *культурным весом* диалекта.

5. <...> Тремя основными факторами определяется судьба языка: *культурным весом*, *характером социальной базы* и *вмешательством политических сил*. Когда все они действуют в пользу одного языка, то он быстро и прочно выдвигается как постоянный при переменных вторых (и третьих). <...>

8. При параллельном распространении двух литературных языков в коллективе большого города надо ожидать не усиливающегося смешения их, а все большей дифференциации. Подъем культурности ведет к упорядочению языкового быта, от языковой бедности – к накоплению и все более целесообразному употреблению языковых средств, через скрещение и неотчетливое перемежение языков – к совершенному полиглотизму.

⁶ Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкоzнание. М., 1977. Разд. 1, 2, 5, 8.

Л. В. Щерба⁷

О ТРОЯКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ И ОБ ЭКСПЕРИМЕНТЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

<...> Я буду называть процессы говорения и понимания *речевой деятельностью* (первый аспект языковых явлений), всячески подчеркивая при этом, что процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком, и что они обусловливаются тем же, чем обусловливается возможность и процессов говорения.

<...> Вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. <...> Этот механизм, эта *речевая организация человека* никак не может просто равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим говорение и понимание) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация человека может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической. Но само собой разумеется, что сама эта психофизиологическая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом. <...>

Словарь и грамматика, т. е. *языковая система данного языка*, обыкновенно отождествлялись с психофизиологической организацией человека, которая рассматривалась как система потенциальных языковых представлений. В силу этого язык считался психофизиологическим явлением, подлежащим ведению психологии и физиологии.

Однако при этом прежде всего забывали то, что все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами

лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции *языковым материалом* (третий аспект языковых явлений). Под этим последним я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это *тексты*. <...>

Само собой разумеется, что все это несколько искусственные разграничения, так как очевидно, что языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности, и так как не менее очевидно, что языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т. е. языковой системы) невозможно. <...>

<...> Система языковых представлений, хотя бы и общих, с которой обыкновенно отождествляют языковую систему, уже по самому определению своему является чем-то индивидуальным, тогда как в языковой системе мы, очевидно, имеем что-то иное, некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы. <...>

<...> Возникает вопрос, в каком отношении находится «психофизиологическая речевая организация» владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе. Очевидно, что она является ее индивидуальным проявлением. В идеале она может совпадать с ней, но на практике организаций отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно называть «индивидуальными языками», если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность. <...> Терминологически, может быть, лучше всего было бы говорить поэтому об «индивидуальных речевых системах».

Что же такое сама *языковая система*? По-моему, это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в «индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом

⁷ Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкоzнании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 24–39.

материале и надо искать источник единства внутри данной общественной группы.

Может ли языковой материал быть фактически единым внутри той или иной группы? Поскольку данная группа сама представляет из себя полное единство, т. е. поскольку условия существования ее членов будут одинаковыми и поскольку все они будут находиться в постоянном взаимном общении друг с другом, поскольку для всех них языковой материал будет фактически един: ведь каждая фраза каждого члена группы при таких обстоятельствах осуществляется одновременно для всех ее членов. Для единства грамматики достаточно частичного фактического единства языкового материала. Поэтому грамматически мы имеем единый язык в довольно широких группировках; в области же словаря для единства языка должно быть более полное единство материала, а потому мы видим, что с точки зрения словаря язык дробится на очень маленькие ячейки вплоть до семьи (единство так называемого «общего языка» в высококультурной среде поддерживается в значительной степени единством читаемого литературного материала). <...> Языки, с которыми мы в большинстве случаев имеем дело, не являются языками какой-либо элементарной общественной ячейки, а языками весьма сложной структуры соответственно сложной структуре общества, функцией которой они являются. <...>

Каким образом происходит изменение языка и чем объясняется его единство внутри данной социальной группы? Очевидно, прежде всего, что языковые изменения обнаруживаются в речевой деятельности. Каковы же факторы этой последней? С одной стороны – единая языковая система, социально обоснованная в прошлом, объективно заложенная в языковом материале данной социальной группы и реализованная в индивидуальных речевых системах, с другой – содержание жизни данной социальной группы. Единство языковой системы обеспечивает единство реакций на это содержание. Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет. Единство содержания обеспечивает в этих условиях единство языка, и поскольку это содержание внутри группы остается тем же, язык может не изменяться

(чего, конечно, никогда не бывает: практически можно говорить лишь о замедлениях и ускорениях процесса).

Но малейшее изменение в содержании, т. е. в условиях существования данной группы, немедленно отражается на изменении речевой деятельности данной группы, притом одинаковым образом, поскольку новые условия касаются всех членов данной группы. Речевая деятельность, являясь в то же время и языковым материалом, несет в себе и изменение языковой системы. Обыкновенно говорят, что изменение языковой системы происходит при смене поколений. Это отчасти так, но опыт нашей революции показал, что резкое изменение языкового материала неминуемо влечет изменение речевых норм даже у пожилых людей. <...> Поэтому правильнее будет сказать, что языковая система находится все время в непрерывном изменении.

Наконец, всякая социальная дифференциация внутри группы, вызывая дифференциацию речевой деятельности, а следовательно, и языкового материала, приводит к распаду единого языка. <...>

Выше было сказано, что изменения языка всегда заметнее при смене поколений. Но само собой понятно, что все изменения, подготовленные в речевой деятельности, обнаруживаются легче всего при столкновении двух групп. Поэтому историю языка можно, в сущности, представить как ряд катастроф, происходящих от столкновения социальных групп.

<...> В реальной действительности вся картина сильно усложняется и затемняется тем, что некоторые группы населения могут входить в несколько социальных группировок и иметь, таким образом, отношение к нескольким языковым системам. От степени изолированности разных групп друг от друга зависит способ сосуществования этих систем и влияния их друг на друга. Некоторые из этих существующих систем могут считаться для носителей иностранными языками. Таковым, между прочим, для большинства групп является так называемый «общий язык». <...> Этот последний, конечно, не надо смешивать с литературным языком, который, хотя и находится с «общим» в определенных функциональных отношениях, имеет, однако, свою собственную сложную структуру. Общий язык всегда и изучается как иностранный с большим или меньшим успехом в зависимости от разных условий. Таких общих

языков может быть несколько в каждом данном обществе, соответственно его структуре, и они могут иметь разную степень развитости. Само собой разумеется, что субъективно общий «иностранный» язык зачастую квалифицируется как родной, а родной – как групповой. Это, впрочем, и отвечает структуре развитых языков, где все групповые языки, в них входящие, считаются жаргонами по отношению к некоторой норме – «общему языку», который, целиком отражая, конечно, социальный уклад данной эпохи, исторически сам восходит через процессы смешения к какому-либо групповому языку. <...>

И. А. Стернин⁸

ОБЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА

<...> В национальной культуре вычленяется ядро – ценности, окруженное принципами, которые реализуются в нормах и правилах. <...>

Ценности – это социальные, в том числе социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Это нечто, осмысленное этническим коллективом в качестве хорошего, правильного, то, что является образцом для подражания и воспитания. Отклонение от ценностей, неприятие их, поступки, противоречащие ценностям, осуждаются общественным мнением. Необходимость соблюдения ценностей для народа самоочевидна, она не требует специальной аргументации.

К основным ценностям русского этноса могут быть отнесены такие, как соборность, или общинность бытия, историческая терпеливость и оптимизм, доброта и всепрощение, второстепенность материального, гостеприимство, любовь к большому пространству и дикой природе и некоторые другие.

Принципы – это основополагающие стереотипы мышления и поведения: это общие мнения, представления, убеждения, устойчивые привычки в деятельности, механизмы каузальной атрибуции.

⁸ Стернин И. А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1996. С. 13–21.

Принципы обусловливают понимание действительности особым образом – они как бы побуждают людей, принадлежащих данному этническому коллективу, воспринимать мир определенным образом. Принципы направляют мышление и поведение по некоторым стереотипизированным, стандартным путям. Принципы часто отражены в пословицах, поговорках, расхожих мнениях, трюизмах: яйца курицу не учат; всех денег не заработать и др. Принципы основываются на ценностях, вытекающих из них, отражают или хотя бы не противоречат ценностям.

Принципы касаются как сферы общего понимания действительности, так и частных сфер – семейных отношений, отношений начальника с подчиненным, верующего с Богом, поведения в быту, отношений с родителями и родственниками, соседями и др. В форме принципов национальная культура как бы объясняет человеку, что он должен делать, как воспринимать те или иные события, строить свои отношения с другими членами общества, что можно делать, а что нельзя.

Назовем некоторые принципы, которые можно вычленить в русской культуре: законы имеют исключения; богатство аморально; нужна сильная рука; проблемы должны решаться централизованно; сообща можно решить все проблемы; сложные проблемы могут иметь быстрые и простые решения; на все воля Божья; начальство всесильно; принцип неприхотливости, этнической терпимости, приоритетности неофициальных отношений и др. Принципы обычно имеют национальную окраску. К примеру, американцы считают разбогатевшего человека умным... в России же такого часто считают жуликом.

Нормы и правила – это конкретные поведенческие рекомендации по реализации определенных принципов. Фактически это некоторые предписания по поведению, указания по проведению некоторых ритуалов. <...>

Нормы и правила существуют в согласовании с принципами, ими отражаемыми. <...> Нормы могут меняться, если позволяют принципы. Если принципы противоречат некоторым употребительным поведенческим стандартам, культура оказывает сопротивление нормализации таких стандартов.

Принципы, ценности и нормы-правила относятся к идеальной стороне культуры, они представляют национальную культуру в сознании ее носителей. Но культура обязательно имеет и материальную форму существования. Такой формой существования коммуникативной культуры являются *ритуалы*. <...> Это форма материального существования культуры общения и единственная наблюдаемая форма культуры, передаваемая от поколения к поколению (ритуалы свадьбы, похорон, пасхи, венчания, ритуалы торжественного собрания, дня рождения и др.).

Ритуал распределяет время участников, делает поведение людей относительно друг друга предсказуемым. <...>

Ритуал представляет собой определенную последовательность символических действий и актов общения при заданности порядка действий и четком распределении ролей участников. Имеющиеся ритуалы можно подразделить на три основные группы: поведенческие ритуалы – чисто физические, например, смена караула; коммуникативно-поведенческие – объединяющие ритуалы поведения и общения, например, свадьба, венчание; вербально-коммуникативные – например, речевой этикет. <...>

В. И. Карасик⁹

ЭТИКЕТ КАК НОРМА

Объяснение этикетной ситуации требует ценностного сравнения альтернатив, т. е. связано с понятием нормы и оценки. *Нормы этикета* базируются на универсальных и идиоэтнических ценностях. Во всех социумах осуждается трусость, неуважение к старшим, нескромность, но есть приоритетные добродетели и пороки и есть своеобразные формы выражения этических норм. Сравните: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» и «Живой пес лучше мертвого льва». Уважение к гостю может проявляться в подчеркивании его роли гостя, либо наоборот – в сознательном игнорировании этой роли. В логике норм (деонтической логике) разграничиваются

содержание, условия, субъект и характер нормы. Содержание обозначает действие, которое может, должно или не должно быть выполнено; условия приложения характеризуют ситуацию, определяющую реализацию нормативного действия; под субъектом понимается лицо или группа лиц, которым адресована норма; характер нормы традиционно описывается в терминах нормативных противоположностей: обязательно – необязательно, разрешено – запрещено. Разграничиваются запрещающие и предписывающие нормы, выделяется класс людей, которым адресована норма, и класс людей, которые следят за выполнением нормы.

<...> *Этикет* представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма в известной мере автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали. Например, нормы морали требуют обмена приветствиями между знакомыми людьми при встрече. Но моральные нормы не регламентируют средств выражения приветствия – вербальных и невербальных. Иначе говоря, можно нарушить этикет, соблюдая моральные нормы (помахать рукой в ответ на воинское отданье чести, если оба участника общения – военнослужащие), можно нарушить нормы морали, соблюдая этикет (холодно кивнуть в ответ на сердечное приветствие), можно нарушить нормы морали и правила этикета, намеренно не ответив на приветствие знакомого человека.

Основу этикета составляют *правила хорошего тона*, которые сводятся... к четырем качествам личности: инстинктивной порядочности, нравственной целостности, самоуважению и лояльности. Порядочность обозначает не только правильность речи и поведения, но честность и надежность в обязательствах. Нравственная целостность наряду с честностью включает утонченность мотивов и справедливость в оценке мотивов других людей. Самоуважение проявляется в отказе от обязательств, которые не будут выполнены. Лояльность выражается в верности не только друзьям, но и принципам.

<...> Нормы американского этикета не предписывают джентльменам целовать руку dame, однако, если леди дает руку иностранцу, этикет рекомендует ей быть готовой к тому, что иностранец поднесет руку к губам. С точки зрения американцев... неприлично

⁹ Карасик В. И. Этикет как норма // Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва; Волгоград, 1992. С. 98–107.

причесываться на виду у всех, как это делается, например, в вестибюлях наших театров (для этого существуют дамские комнаты). Нельзя смотреться в зеркало на людях. Этикетная идиоматика свойственна социальным группам. Так, для многих рабочих в США костюм с галстуком ассоциируется только с ситуацией свадьбы. По дипломатическому протоколу черный костюм обычно связан с ситуацией траура. Нарушение этикетной идиоматики сигнализирует либо о принадлежности человека к иной общности, либо о намеренном игнорировании сложившихся норм поведения и, следовательно, требует актуализации статусных отношений.

<...> Одним из надежных показателей культурного своеобразия речевого коллектива является язык. Для англичан насмешка – это сильное и часто неодобряемое средство понижения статуса объекта насмешки, не случайно толкования значений многих слов включают признак отрицательной оценки этого действия («злобно, жестоко, передразнивая, громко и т. д. насмехаться – плохо»). В русском языке, на наш взгляд, идея смеха как способа оскорбительно-го унижения не столь ярко выражена. Иначе говоря, в английском языке связь между понятиями «смех – насмешка», судя по данным словарей, выражена в большей мере, чем в русском языке. Это наблюдение, разумеется, нуждается в более основательном доказательстве. В социолингвистическом плане здесь важно подчеркнуть обусловленность норм характером народа.

Обусловленность норм и характера, этики и этоса является взаимной, но данные словаря (а словарь – совокупность словарей – представляет собой культурный тезаурус народа) свидетельствуют о приоритете этоса.

Важной этикетной характеристикой англоязычного стиля общения в конфликтной ситуации является взятие вины на себя. Эта стратегия выражается фразой «It's my fault». Если человек в чем-либо виноват, он стремится сразу же признаться в этом партнеру. Логика такого общения ведет к тому, что второй участник коммуникации сразу же говорит, что он тоже виноват. Конфликт оказывается смещенным в безопасную сферу соревнования в большем великолудии. Эта стратегия сублимации конфликта составляет специфически английский стиль поведения.

<...> Понятия этикета и *ритуала* совпадают в том плане, что оба понятия относятся к системе закрепленных форм поведения, представляют собой регламентированные действия, противопоставлены целенаправленному действию (естественному поведению), поскольку для ритуала и этикета форма важнее цели. Вместе с тем этикет и ритуал различны по своей сущности. Главное отличие между этими понятиями состоит в повседневном характере этикета и сакральном характере ритуала. Этикет... вариативен, в то время как ритуал стремится к абсолютному воспроизведению формы определенного действия.

Таким образом, этикет как норма представляет собой многомерное образование, включающее универсальный этический план, план приоритетных порядков, план этикетного выражения, дистанционный план, план вариативности, культурно-специфический план и т. д.

Этикет как стандартное официальное поведение людей является специфическим способом выражения социального статуса человека. Разворачиваясь на социальной дистанции между участниками общения, этикет включает вербальные и невербальные средства выражения и проявляется в поведенческом и нормативном аспектах. Этикет как поведение представляет собой систему способов поддержания общения между людьми, относящимися к разным группам общества.

Этикет национально специчен. Способы этикетного общения представляют собой формульные модели поведения, включающие несколько последовательных ходов и интерпретируемые в рамках культуры, присущей речевому коллективу.

А. Вежбицкая¹⁰

«ЛИЧНОСТИ», СФОРМИРОВАННЫЕ КУЛЬТУРОЙ

<...> В настоящей статье я уделю больше места теории «культурно обусловленных сценариев». Вкратце «культурно обусловленные сценарии» – это краткие предложения или небольшие после-

¹⁰ Вежбицкая А. «Личности», сформированные культурой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 392–398.

довательности предложений, посредством которых делается попытка уловить негласные нормы культуры какого-то сообщества «с точки зрения их носителя» одновременно представить эти нормы в терминах общих для всех людей понятий.

В частности, в «культурно обусловленных сценариях» выражаются такие негласные правила, которые говорят нам, как быть личностью среди других личностей, т. е. как думать, как чувствовать, как хотеть (и как действовать согласно своему хотению), как добывать или передавать знания и, что важнее всего, как говорить с другими людьми. Правила подобного рода обычно являются для данной культуры специфическими (в большей или меньшей степени); поскольку, однако, они могут быть сформулированы на «естественному семантическом метаязыке», они сопоставимы и доступны пониманию в контекстах разных культур. Из экономии места я проиллюстрирую эту идею всего лишь несколькими сценариями, сводя рассмотрение их к минимуму.

Сценарии чувств

Наиболее ярким примером культурно-специфических «сценариев чувств» служат «сценарии китайскойдержанности». <...>

Но такими словами, как «отрешенность» и «умеренность» отдать должное китайским нормам не удается. Это – «западные слова», они не передают точку зрения китайца с точностью. К примеру, слово «отрешенность» тесно связано с христианской традицией, укоренившейся в классических западных словах, как это имеет место в «Подражании Христу» Св. Фомы Кемпийского. Само собой разумеется, что эта традиция весьма отлична по содержанию и духу от китайского «среднего пути». Чтобы обрисовать обсуждаемые китайские нормы более точно, я могу предложить следующие культурно обусловленные сценарии (составленные из лексических универсалий).

Китайский сценарий

когда что-то плохое случается со мной,
хорошо думать что-то вроде:
«что-то хорошее может случиться со мной из-за
этого (после этого)»

если я буду думать что-то вроде этого,
я не буду чувствовать что-то очень плохое
это хорошо
когда что-то хорошее случается со мной,
хорошо думать что-то вроде:

«что-то плохое может случиться со мной
благодаря этому (после этого случая)»
если я буду думать что-то вроде этого,
я не буду чувствовать что-то очень хорошее
это хорошо.

Представление о том, что не следует позволять себе чувствовать «что-то очень плохое» или же «что-то очень хорошее»... можно записать в форме следующего сценария:

если кто-то часто чувствует что-то очень плохое,
это плохо для данного лица
если кто-то часто чувствует что-то очень хорошее,
это плохо для данного лица.

<...> Хорошим примером англо-американского «сценария чувств» может послужить сценарий «чувствовать что-то хорошее»:

хорошо чувствовать что-то хорошее все время.

<...> Сценарий подобного рода чужд культуре японцев, где ожидается, что человеку часто приходится «чувствовать что-то плохое» и что следует высказать это ради социальной гармонии и хороших социальных отношений.

Сценарии того, как думать

Одним из самых характерных англо-американских «правил мышления», о котором много говорят, является постулат «позитивного мышления». Это правило можно сформулировать следующим образом:

хорошо часто думать что-то вроде:
«я могу сделать что-то (очень) хорошее».

Еще одно англо-американское правило, которое я приведу здесь, можно назвать правилом «уверенности в себе»:

плохо часто думать что-то вроде:

«кто-то другой сделает для меня хорошее
мне не надо ничего делать»

хорошо часто думать что-то вроде:

«если я хочу, чтобы со мной случилось что-то хорошее,
мне надо делать что-то для этого
я могу это делать».

Сценарии того, как хотеть

Англо-американская культура поощряет своих носителей говорить о том, чего ты хочешь сам, и давать другим людям право выбора. Это может быть представлено следующим образом:

каждый может говорить другим людям что-то вроде:

«я хочу этого, я не хочу этого»

так говорить хорошо

хорошо говорить другим людям что-то вроде:

«я хочу знать, что ты хочешь».

Японская культура, наоборот, настаивает на почти диаметрально противоположных сценариях:

я не могу говорить другим людям что-то вроде:

«я хочу этого, я не хочу этого».

Не поощряются в японской культуре и вопросы к другим людям о том, чего они хотят. Вам, скорее, приходится угадывать потребности других и стараться удовлетворять их, не заставляя других людей говорить что бы то ни было:

я не могу сказать другим людям что-то вроде:

«я хочу знать, что ты хочешь»

хорошо знать, что другие люди хотят (и думают, и чувствуют) когда они ничего не говорят.

Сценарии того, как говорить что-либо

Англо-американская культура поощряет ее носителей отзываться с похвалой о других людях, чтобы получать от них положительную

ответную реакцию и поднимать их в их собственных глазах. Это можно представить следующим образом:

хорошо часто говорить другим людям что-то вроде:
«ты сделал (делаешь) что-то (очень) хорошее».

В японской культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется:

нехорошо говорить другим людям что-то вроде:
«ты сделал что-то хорошее».

С другой стороны, в японской культуре вполне поощряется говорить о себе «плохие вещи» по такому принципу:

хорошо часто говорить другим людям что-то вроде:
«я сделал что-то плохое
я чувствую что-то плохое благодаря этому».

Множить примеры можно до бесконечности, но уже и те, что были приведены здесь, в достаточной степени иллюстрируют (если и не подтверждают адекватным образом) заявление о том, что культурно обусловленные сценарии могут рассматриваться в качестве места, где встречаются «культура» и «дух», и что, будучи обусловлены спецификой культуры, они и переводимы и сопоставимы в диапазоне различных культур.

Заключение

Нарождающаяся наука – психология культуры – требует прочных концептуальных основ. Я считаю, что такие основы могут быть обеспечены, в какой-то своей части, общими для всех людей понятиями, которые лексикализовались во всех языках мира и в терминах которых все комплексные и специфические для данной культуры значения могут быть установлены с тем, чтобы затем использовать их в различных сопоставлениях.

Конечно же, предлагая набор общих для всех людей понятий (выведененный на основе языковых данных) в качестве возможных концептуальных основ для психологии культуры, я не собираюсь произвести акцию лингвистического империализма. Очевидно, что есть место и многочисленным разным моделям, и многочисленным разным точкам зрения. Но... языковые данные обладают совершенно

особой значимостью для попыток пролить свет на категории мышления как в специфическом для отдельной культуры, так и во всеобщем смысле.

В. Г. Костомаров¹¹

ЯЗЫКОВОЙ ВКУС

Наиболее общей характеристикой живых процессов, наблюдаемых в русском литературном языке наших дней, нельзя не признать демократизацию. <...> Впрочем, точнее для характеристики этих весьма бурно развивающихся процессов подходит термин «либерализация», ибо они затрагивают не только народные пласти общеноционального русского языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной, литературный стандарт становится менее стандартным. <...>

<...> Сейчас наше общество встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. История показывает, что это резко повышает нормальные темпы языковой динамики и, сильно изменения формы выражения, создает нежелательный разрыв в преемственности традиции в целостности культуры. <...> Вообще любая крайность, тем более переворот естественного течения событий, вредит нормальному развитию.

В основе развернувшихся процессов лежат изменения в психологической установке масс, пользующихся русским языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Эти социально и исторически осмыслиенные явления порой получают некоторое официальное одобрение, а порой и законодательное закрепление. <...>

Вкус вообще – это способность к оценке, понимание правильного и красивого; это пристрастия и склонности, которые определяют культуру человека в мысли и труде, в поведении, в том числе

речевом. Под вкусом можно понимать систему идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке. Эти установки определяют то или иное ценностное отношение человека к языку, способность интуитивно оценивать правильность, уместность, эстетичность речевого выражения. Вкус – сложный сплав социальных требований и оценок, а также индивидуальности носителя языка, его художественных задатков, воспитания, образованности. <...> Однако и эта индивидуальность формируется в ходе усвоения общественных знаний, норм, правил, традиций. Поэтому вкус всегда имеет конкретно-социальную и конкретно-историческую основу; поэтому же, проявляясь индивидуально, вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе его истории.

Важнейшее условие вкуса – социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка так называемое чувство, или *чутье языка*, являющееся результатом речевого и общесоциального опыта, усвоения знаний языка и знаний о языке, бессознательной по большей части оценки его тенденций, пути прогресса. <...> Само же чутье языка есть своеобразная система бессознательных оценок, отображающая системность языка в речи и общественные языковые идеалы.

Чутье языка образует основу для глобальной оценки, принятия или не принятия определенных тенденций развития, определенных пластов лексики, для оценки уместности тех или иных стилистических и вообще функционально-стилевых разновидностей при сложившихся условиях и для данных целей. В этом смысле оно очень зависит от системных и нормативных особенностей языка, от его «духа» и «своеволий», его происхождения, истории и идеалов прогресса, приемлемых и желательных источников обогащения, самобытности его строя и состава.

<...> В чутье языка отражена культурно-национальная память, растворены пласти разных наследий, разных поэтико-речевых концепций. Важную роль в формировании языкового чутья и вкуса играло и играет соотношение книжной и внекнижной речи, прини-

¹¹ Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994. С. 21–32.

мавшее часто характер соперничества литературного и «народного» языка.

В советский период высокие темпы развития и круто сменившиеся вкусы накопили значительный запас разнородных изменений и деформаций, подвергающихся сегодня, с началом постсоветской эпохи, проверке и переоценке. Соответственно, сейчас следует ожидать поиска «свежего» языкового материала, перераспределения стилистических пластов, нового синтеза средств выражения.

<...> Вкус нередко теряет историческую обоснованность и следует конъюнктурным, случайным устремлениям. Он становится тогда дурным вкусом. Он теряет тогда даже природно опосредованную связь с мыслительно-содержательным аспектом общения и с естественными эстетическими ограничительными рамками. Иными словами, вкус предстает крайностями моды. <...> Заметим, что для нашего времени особенно актуально такое качество «хорошей речи», как свежесть, т. е. стремление к обновлению примелькавшихся средств и приемов выражения.

При всем естественном желании объективировать понятие вкуса как культурно-речевой категории нельзя, конечно, отказать ему и в субъективной индивидуальности.

Качества «хорошей речи» относительны, иной раз даже внутренне противоречивы – и не только в силу своего общего субъективно-вкусового характера и тесной зависимости от конкретного смысла, выражаемого в отдельном случае, от условий и целей данного коммуникативного акта, но прежде всего из-за строгой детерминированности любой речи наличными в литературном языке нормами. Впрочем, в сегодняшней обстановке эти нормативные средства выражения и сложившиеся приемы их применения при типовых содержаниях, в сходных по содержанию, целям и условиям высказываниях оказываются сплошь и рядом не соответствующими новому вкусу и решительно пересматриваются. Самые представления о правильности, вырабатываемые в ходе практики общения, сознательно воспитуемые и детерминирующие любой претендующий на высокую культуру речевой акт и речь в целом, ставятся сегодня под сомнение, теряют свой категорически общеобязательный характер.

Меняющиеся представления о правильном и эффективном использовании языка, доводимые порой до абсурда, можно обозначить словом *moda*. Иными словами, мода есть крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро преходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества. Речевая мода, видимо, более прямолинейно связана с модой в других областях жизни, нежели языковой вкус – с общим вкусом эпохи. <...>

На культурно-речевой вкус, его изменения оказывают влияние объективные социальные функции языка в данную эпоху. Важную роль сыграло, например, то обстоятельство, что русский язык был средством межнационального общения и сотрудничества народов СССР и стал общепринятым мировым языком. <...>

<...> В русском языке можно, прежде всего, ожидать значительного ускорения постоянно и обычно весьма незаметно действующего в речи стремления к обновлению применяемого репертуара средств выражения. <...> Далее, с учетом особенностей ситуации в российском обществе, можно ожидать стремления уйти, если к тому есть малейшая возможность, от всего того, что было вчера и что воспринимается как примета эпохи, с которой без сожаления расстаемся. <...>

Традиционные устои общества, весь прежний строй жизни большинство населения воспринимают как устаревшие – не только идеологию, общественное устройство, но все. <...> И, разумеется, манеру общения, речь и даже самый язык. <...>

Таков фон, на котором складывается сегодняшняя мода и общественный вкус в языковых делах. Для общения людей, для использования русского языка сейчас характерна главная установка наших дней на свободу, сопрягаемую у нас со стихийным потаканием, с разгулом своей воли, с небрежностью, раскованностью и забвением того, что без подчинения она есть хаос. В моде, если угодно, желание пофрондировать, соригинальничать, как-то «переставить мебель», чтобы изменить приевшуюся обстановку, просто даже похулиганить. <...> На вкус эпохи хаоса и смены ценностей воздействует также распространяющаяся масс-культура с ее эротизацией.

Принятое подвергается коррозии известным вирусом разрушения, активизирующим, естественно, защитные силы, бурное изобретательство.

Торжествующий языковой вкус с его стремлением к свежей выразительности, к обновлению во что бы то ни стало заставляет опробовать самые различные способы и приемы вербально-коммуникативного творчества. Их действие обнаруживается на всех ярусах и уровнях, особенно сильно в заимствованиях. <...> Весьма активны они и в словообразовании и семантических преобразованиях. Наиболее рельефно языковой вкус иллюстрируется стилистическими явлениями. <...>

<...> За вкусом к беспредельной свободе выражения, за фамильярной развязностью тона, который в моде, часто скрывается духовный нигилизм, утрата исторической памяти и уважения к отечеству.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ТЕСТЫ

КУЛЬТУРА РЕЧИ И СТИЛИСТИКА

ВАРИАНТ 1

Часть А

Задания с выбором ответа (ответов)

Выполните задания. Впишите номера слов (предложений), содержащих правильный ответ, в область ответов в таблице на с. 97.

A1. Ударение неправильно поставлено в слове (словах)... (Ударный гласный обозначен прописной буквой.)

1) балоВаться	4) генЕзис
2) понял	5) взята
3) некролОг	6) жалюзИ

A2. Орфоэпическая ошибка допущена в слове (словах)... (Мягкость согласного обозначена апострофом.)

1) [тэ]рмин	4) д[из]та
2) [тэ]зис	5) аф[ё]ра
3) бúло[ши]ая	6) восе[m']десят

A3. Акцентологическая ошибка допущена в предложении (предложениях)...

- 1) Мы покупАем продУкты в магазИне мелкооптовой торговли.
2) СосЕди двЕрь дерматИном обИли.
3) ДавАй кУпим вермишЕль и рОжки.
4) Эти вЬплаты прИзваны облегчИТЬ нагрУзку на пенсионный бюджет.

A4. Род существительного неправильно указан в слове (словах)...

1) какаду, <i>ср. р.</i>	4) антресоль, <i>жс. р.</i>
2) гуашь, <i>жс. р.</i>	5) домишко, <i>ср. р.</i>
3) тюль, <i>м. р.</i>	6) лодырь, <i>жс. р.</i>

A5. Грамматическая ошибка допущена в предложении (предложениях)...

- 1) Эта оправа для очков более женская, чем мужская.
- 2) Наше знакомство с Чарли Чаплином состоялось ещё во времена немого кино.
- 3) На базу завезли несколько тонн апельсинов, яблок и баклажанов.
- 4) Читая роман, есть чему поучиться у героев.

A6. Ошибка в образовании формы именительного падежа множественного числа допущена в слове (словах)...

1) заёмы	4) архитектора
2) профессоры	5) времена
3) римляне	6) жемчуга

A7. Ошибка в образовании формы родительного падежа множественного числа допущена в слове (словах)...

1) турок	4) апельсин
2) туфлей	5) комментарий
3) кухонь	6) партизан

A8. Падежные формы числительного неправильно образованы в словосочетании (словосочетаниях)...

- 1) трёхстами двадцатью четырьмя голосами
- 2) для семисот восьмидесяти двух избирателей
- 3) о двести восемнадцати больных
- 4) после две тысячи пятого года
- 5) тремястами пятьюдесятью голосами

A9. Нормы сочетаемости нарушены в словосочетании (словосочетаниях)...

- 1) более двух тысяч семисот восьмидесяти людей
- 2) для семи миллионов жителей
- 3) двадцать пять суток

4) полтораста килограммов

5) одна целая пять десятых процентов

A10. Нормы сочетаемости нарушены в словосочетании (словосочетаниях)...

- 1) проводить аналогию между явлениями
- 2) подвести итог написанного
- 3) повторяющийся рецидив
- 4) выяснить о причинах

A11. Слово употреблено в несвойственном ему значении в предложении (предложениях)...

- 1) Нам повезло: удалось купить билеты в купированный вагон.
- 2) Стены парадных комнат дворца были украшены искусственными орнаментами.
- 3) Его лекции нравились особенно: он говорил искренним, доверительным тоном.
- 4) Человек он был злостный: чужие беды доставляли ему радость.

A12. Слово употреблено в несвойственном ему значении в предложении (предложениях)...

- 1) Вернисаж продолжался несколько дней.
- 2) Опубликованная в журнале статья показалась мне весьма информационной.
- 3) Он был мизантропом, считающим, что человек лжив и слаб по своей природе.
- 4) Ребёнок держал в руках аляповатую игрушку с облупившейся краской.

A13. Слово ЖИТЕЙСКИЙ должно быть употреблено в предложении (предложениях)...

- 1) С течением лет их ЖИЗНЕННЫЕ пути разошлись.
- 2) Для истинного художника искусство не средство стать знаменитостью, а ЖИЗНЕННАЯ необходимость.
- 3) ЖИЗНЕННЫЙ шум и невзгоды казались далёкими и ничего не значащими в этом тихом убежище.
- 4) В романе нашли отражение подлинные ЖИЗНЕННЫЕ явления.

A14. Избыточностью лексических средств (тавтология, плеоназм) характеризуются предложения...

1) В первую очередь возникает вопрос о судьбе глав разорившихся банков.

2) Активно идёт процесс замены «старой гвардии» на новые высококвалифицированные кадры.

3) Прогноз о неблагоприятной ситуации, предсказанной заранее, подтвердился.

4) Местные аборигены, увидев угрозу природе, тоже начали бить тревогу.

A15. Ясность речи нарушена в предложении (предложениях)...

1) Спектаклей, которые выдвинуты на конкурс, довольно-таки огромное количество.

2) Международный терроризм – враг, который силён и опасен, бесчеловечен и жесток.

3) Мы имели в стране не власть, а режим, готовый на всё.

4) Вратарь выпустил мяч из рук, и его пришлось добить.

A16. Логичность речи нарушена в предложении (предложениях)...

1) В этом году мы вырастили на своих полях репу, пшеницу, горох и другие злаки.

2) В квартире соседей с утра царила весёлая суэта: пекли пироги, накрывали столы, бегали по магазинам.

3) Инженер оказался большим знатоком вопроса и привёл убедительные доводы в пользу своей точки зрения.

4) В каждой бригаде имелось в среднем десять колхозников и тридцать гектаров пашни.

5) Леонардо да Винчи в «Споре живописца с поэтом» утверждал преимущества живописи перед поэзией, и многие современники разделяли его точку зрения.

A17. Не предусмотренная автором двусмысленность содержится в предложении (предложениях)...

1) Я хочу выразить благодарность всем, кто запустил в нашей области систему образования.

2) Шовковский получает пас от своего друга – Владислава Ващука. Кстати, они женаты.

3) Мы своих кардиологов обучаем рациональному питанию пациентов.

A18. Грамматическая правильность речи нарушена в предложении (предложениях)...

1) Министр официально назначил нас основным регионом для проведения эксперимента.

2) Составляя план доклада, очевидно старание точно отразить главную мысль.

3) Глядя на цветные фотографии в модных журналах, фигура не становится лучше.

4) Понимая необходимость этого мероприятия, оргкомитет подготовил его в срок.

A19. Ошибка в употреблении фразеологизмов допущена в предложении (предложениях)...

1) Основную роль в решении этой проблемы имеет человеческий фактор.

2) Праздничная суматоха на вечеринке напоминала варфоломеевскую ночь.

3) Политикам нужно всегда держать руку на пульсе, своевременно реагировать на назревшие в обществе проблемы.

4) Он ревел, как буриданов осёл.

A20. В приведенном фрагменте школьного сочинения речевая ошибка допущена в предложениях...

1) Я считаю, что с каждым годом мой язык становится всё богаче и начитаннее. 2) Мои размышления становятся всё серьёзнее и глубже по силе. 3) Мне кажется, эта прогрессия проявляется не только у меня, но и у многих других. 4) Просто не все стараются развить эту тенденцию, а я всё-таки стараюсь. 5) Хорошо развитый риторический язык пригодится везде: и в вузе, и в университете.

6) Да можно взять и самый простой пример: я звоню знакомой девушке и пытаюсь уговорить её пойти со мной в кино. 7) Я привожу весомые аргументы. 8) Другой же, не обладающий знаниями риторики, не сможет уговорить девушку. 9) Поэтому надо изучать риторику и пользоваться ею.

A21. Отступления от стилистических норм наблюдаются в предложении (предложениях)...

- 1) Это всё бзики амбициозных политиков.
- 2) Власть должна быть отделена от СМИ – то, о чём я всё время талдычу.
- 3) Внезапной оказалась программа «Старый телевизор».
- 4) Докладчик комиссии ПАСЕ по политическим вопросам лорд Джад ни черта в чеченской ситуации не понимает.
- 5) Позор висит над нами, как жёлто-розовое облако газа.

A22. На трансформации прецедентных текстов основана выразительность газетных заголовков...

- 1) Полуостров сокровищ
- 2) Вывели на чистую водку
- 3) Фрадкову пора намылить голову
- 4) Павловский собирает сливки общества
- 5) Над пропастью во лжи

A23. Метафоры употреблены в предложении (предложениях)...

- 1) Первыми жертвами политического Чернобыля на Украине, скорее всего, станут силовики.
- 2) Чеченские волки боятся российских псов.
- 3) Наркотик власти опаснее шприца.
- 4) Мечты о счастье народа, о социальной справедливости, о новой, цивилизованной России так и остались мечтами.
- 5) Корабль «Россия» не знает, куда плыть.
- 6) Лидер СПС предпринял попытку собрать по частям «ломаную гитару» российского демократического движения.

Часть В

Задания с кратким ответом

Впишите слово или номера правильных ответов в область ответов в таблице на с. 97.

B1. Запишите однословный термин, обозначающий грубое нарушение действующей нормы (языковой, коммуникативной, стилистической, этической).

B2. Запишите однословный термин, обозначающий тип словаря, дающего справку о лексическом значении слова, его грамматических формах и типовой сочетаемости.

B3. Запишите однословный термин, обозначающий коммуникативное качество хорошей речи, выделяемое на основе соотношений речь – мышление, и определяемый как непротиворечивость изложения, соответствие содержания речи законам мышления, точное воспроизведение в речи структуры мысли, соблюдение в речи правил операций с понятиями.

B4. Запишите однословный термин, обозначающий лингвистическую регламентацию нормы в словарях, справочниках и грамматиках языка.

B5. Запишите однословный термин, обозначающий коммуникативное качество хорошей речи, выделяемое на основе соотношения речь – ее восприятие адресатом и определяемый как смысловая определенность высказывания, доступность, понятность речи для адресата.

B6. Прочтайте предложения А, Б, В, Г и выполните задание.

А. Охотник, конечно, слышал и сигнал дрозда и видел, как по сигналу вылетела зарянка.

Б. На этот сигнал отзывалась зарянка и взлетела с пустого сучка.

В. Прягая по сучкам выше и выше, оттуда сверху она тоже увидала зарю и на сигнал дрозда ответила своим сигналом.

Г. Вот где-то в вышине певчий дрозд первый увидел признаки вечерней зари и просвистел свой сигнал.

Задание: установите, в каком порядке должны следовать предложения, чтобы получился связный, логичный, ясный и последовательный текст. Ответ запишите в виде последовательности букв (А, Б, В, Г), обозначающих предложения.

B7. Определите функционально-смысловой тип текста (описание, повествование, рассуждение), приведенного в задании В6. Соответствующий термин впишите в область ответов.

B8. Прочтайте текстовые фрагменты А, Б, В, Г, Д и выполните задание.

А. С. Дело-то не в заработка/ дело в том, что человек-то не изменяется/ вот если бы он был человеком хорошим/ скажем умным/ он от образования лучше не станет/ если он книжки сам читает//

Е. Всё равно/ всё равно понимаешь...

С. Так вы считаете/ что диплом надо в штанах носить?

Е. Да/ о-бя-за-тельно надо носить//

С. То есть без диплома никуда//

Е. Конечно//

Б. ПОСТАНОВЛЯЮ:

Направить Закон Свердловской области «О порядке получения права пользования участками недр, содержащими месторождения общераспространенных полезных ископаемых, и участками недр местного значения, используемыми для целей, не связанных с добывкой полезных ископаемых, в Свердловской области» в «Областную газету» для его официального опубликования. <...>

В. Святая церковь ведёт нас к великому празднику Рождества Христова сорокадневным постом, а в предрождественские дни она готовит нас к его достойной встрече особыми песнопениями. И только что услышанные нами слова стихиры свидетельствуют, что ни золота, ни смирны, ни ливана, ни других земных ценностей от нас не требуется. Богомладенец Христос ожидает от нас духовных даров и дел добра и милосердия. Святитель Иоанн Златоуст называет эти дары, указанные святым апостолом Павлом: вера, надежда, любовь. <...>

Г. В соответствии с составом локальных ареалов выделены объёмные минеральные модели месторождений, локализующихся в аргиллизатах, – верхнемезозойские: 1) каолинит-смешанослойная, 2) монтмориллонит-смешанослойная, 3) иллит-смешанослойная; кайнозойские: 1) каолинит-монтмориллонит-иллит-хлоритовая, 2) монтмориллонит-иллит-хлоритовая. <...>

Д. Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину. В чьих она равнодушных или скользких руках, безмысло или корыстно правящих Её жизнь. В каких заносчивых, или коварных, или стёртых лицах видится Она миру. Какое тленное пойло вливают Ей вместо здравой духовной пищи. До какого разора и нищеты доведена народная жизнь, не в силах взнаться. <...>

Задание: определите, какому функциональному стилю принадлежат текстовые фрагменты А, Б, В, Г, Д. Ответ запишите в виде буквы, обозна-

чающей фрагмент, и следующей за ней цифры, обозначающей стиль (образец: К2 Л4 М5 Н1 О4):

1) церковно-религиозный

2) публицистический

3) разговорный

4) официально-деловой

5) научный

Ф.И.О. _____

№ группы _____

Ответы

Вариант 1

A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12

A13	A14	A15	A16	A17	A18	A19	A20	A21	A22	A23

B1	
B2	
B3	
B4	
B5	
B6	
B7	
B8	

ВАРИАНТ 2

Часть А

Задания с выбором ответа (ответов)

Выполните задания. Впишите номера слов (предложений), содержащих правильный ответ, в область ответов в таблице на с. 106.

A1. Ударение неправильно поставлено в слове (словах)... (Ударный гласный обозначен прописной буквой.)

1) нужнО	4) генЕзис
2) вклЮчишь	5) дОгмат
3) началАсь	6) умЕрший

A2. Орфоэпическая ошибка допущена в слове (словах)... (Мягкость согласного обозначена апострофом.)

1) [дэтэ]ктив	4) пю[рэ]
2) шоф[ё]р	5) ман[ё]вры
3) двоé[шн]ик	6) пар[тэ]р

A3. Акцентологическая ошибка допущена в предложении (предложениях)...

- 1) Мы встречАемся по средАм.
- 2) ОсОбенно удАлся хозЯйке щавЕлевый суп.
- 3) В диссерТАции глубокО исслЕдован фенОмен ассоциатИвного мышлЕния.
- 4) Эта дАта важнА для людЕй всех возрастОв.

A4. Род существительного неправильно указан в слове (словах)...

1) ОРТ, <i>ср. р.</i>	4) шампунь, <i>ж. р.</i>
2) грифель, <i>м. р.</i>	5) пластырь, <i>м. р.</i>
3) официеришка, <i>ж. р.</i>	6) филе, <i>ср. р.</i>

A5. Грамматическая ошибка допущена в предложении (предложениях)...

- 1) Такой вариант правки ещё более худший.
- 2) Вчера состоялся вечер памяти Эриха-Марии Ремарка.
- 3) В продаже большой выбор ботинок, туфель, сапог.

4) Поселившись теперь в деревне, его мечта была воскресить ту форму жизни, что была при деде.

A6. Ошибка в образовании формы именительного падежа множественного числа допущена в слове (словах)...

1) инженеры	4) бухгалтера
2) директоры	5) стремена
3) выбора	6) брелоки

A7. Ошибка в образовании формы родительного падежа множественного числа допущена в слове (словах)...

1) туркмен	4) тапок
2) сапогов	5) банан
3) цапель	6) снадобий

A8. Падежные формы числительного неправильно образованы в словосочетании (словосочетаниях)...

- 1) до двухтысячи третьего года
- 2) для двухсот пятидесяти книг
- 3) семистами шестьюдесятью тремя бюллетенями
- 4) более полтораста человек
- 5) тысяче девяностам пятидесяти шести студентам

A9. Нормы сочетаемости нарушены в словосочетании (словосочетаниях)...

- 1) о двух тысячах подобных случаях
- 2) три целых две десятых процентов
- 3) не менее полутора тысяч экземпляров
- 4) полтора суток
- 5) более семнадцати ошибок

A10. Нормы сочетаемости нарушены в словосочетании (словосочетаниях)...

- 1) управляющий департаментом
- 2) проявлять заботу к близким
- 3) повторяющийся рецидив
- 4) различать добро и зло

A11. Слово употреблено в несвойственном ему значении в предложении (предложениях)...

- 1) Встреча состоялась в условном месте.
- 2) Щенка нашли в соседнем купе.
- 3) В докладе предоставлены результаты экспериментов, произведённых автором.
- 4) Тот, кто хоть раз видел Ниагарский водопад, был потрясён его величественностью и шумом.

A12. Слово употреблено в несвойственном ему значении в предложении (предложениях)...

- 1) Служба наша нормально происходит.
- 2) Священнослужители освобождаются от военной службы, эта мера касается всех конфессий.
- 3) Она одевается неброско, но экстравагантно, с прекрасным чувством стиля.
- 4) Это серьёзный, вдумчивый, интересный документ.

A13. Слово ПРАКТИЧНЫЙ должно быть употреблено в предложении (предложениях)...

- 1) Во всех своих поступках он руководствовался ПРАКТИЧЕСКИМИ целями.
- 2) ПРАКТИЧЕСКИЕ занятия переносятся в связи с праздниками.
- 3) Он был человеком ПРАКТИЧЕСКИМ, во всём соблюдал собственный интерес и всегда заботился о своих удобствах.
- 4) Я предпочитаю не слова, а дела, дающие ПРАКТИЧЕСКИЙ, реальный результат.

A14. Избыточностью лексических средств (тавтология, плеоназм) характеризуются предложения...

- 1) Кризис, сваливший многие российские банки, способствовал активной миграции банковских менеджеров.
- 2) В последней игре встретились две спортсменки, медали за участие получат обе.
- 3) Моя автобиография обычна для молодого человека наших дней.
- 4) Каждый участник конференции получил памятный сувенир.

A15. Ясность речи нарушена в предложении (предложениях)...

- 1) На мой взгляд, это крайне не совсем мудрое решение.
- 2) Он добивался отпуска без сохранения содержания и путёвки.
- 3) В любом оркестре ключевую роль играют духовые.
- 4) В последнее время в российском обществе зарождается тревога за судьбу русского языка.

A16. Логичность речи нарушена в предложении (предложениях)...

- 1) В качестве материала для «Войны и мира» Л. Толстой использовал семейные архивы, мемуары, литературные источники и другие официальные документы.
- 2) Перед нами раскинулась панорама города, протянувшегося на многие километры вдоль реки.
- 3) Несмотря на то, что коллектив весёлый, песня немножко лирическая, немножко эротическая.
- 4) Жильцы требовали ремонта и ликвидации неполадок.
- 5) Вертолёты могут сделать посадку и взлёт с крыш больших домов, улиц, площадей.

A17. Не предусмотренные автором двусмысленности содержатся в предложении (предложениях)...

- 1) От радости, что забил гол такому сильному сопернику, Баджо повесился на воротах!
- 2) Мы принимаем все меры, чтобы оснастить крестьян запасными частями.
- 3) На улицах города происходили кровавые столкновения с тысячами убитых.

A18. Грамматическая правильность речи нарушена в предложении (предложениях)...

- 1) Одев пальто, он ещё несколько минут колебался, но потом решительно захлопнул дверь.
- 2) «Я не удивлён таким оборотом дела», – написал известный писатель в ответном письме.
- 3) Мы не можем убедить органы прокуратуры о том, что здесь есть состав преступления.

4) Депутат на приёмах избирателей должен выслушать и разобраться в ситуации.

A19. Ошибка в употреблении фразеологизмов допущена в предложении (предложениях)...

- 1) В этом деле он был стреляной вороной – равных ему не было.
- 2) США продолжают устрашающе бряцать оружием, нагнетая военную угрозу.
- 3) Мы этой проблеме уделяем одно из первых мест.
- 4) На этой неделе ленту первенства по скандальным происшествиям завоевали депутаты Госдумы.

A20. В приведенном фрагменте школьного сочинения речевая ошибка допущена в предложениях...

1) По моим подсчётом, самой глобальной проблемой является загрязнение окружающей среды. 2) Я пишу это в глубокой надежде, что кто-нибудь согласится со мной об этом и поможет мне. 3) Наша жизнь была бы менее зловредна, если бы люди стремились сохранить природу. 4) Как бы жилось хорошо, если бы человек создавал авто на электрическом проводе. 5) Люди не должны стремиться только заработать больше денег и «спасти свою шкуру». 6) Переделайте заводы, сделайте всё, что угодно, только не творите зло. 7) Умоляю, откликнитесь, помогите мне. 8) Ведь прекрасная жизнь лучше всего.

A21. Отступления от стилистических норм наблюдаются в предложении (предложениях)...

- 1) Можно реконструировать объект за счёт областного бюджета, а не переть мимо этого гешефта.
- 2) Рынок информации, причём совершенно свободный, у нас существует.
- 3) Господин Чубайс и его коллеги – это негодяи и шпанюки.
- 4) А теперь покажите фотку своего возлюбленного и кумира.
- 5) Олигарх – это загадка природы, мифическая птица Рух.

A22. На трансформации прецедентных текстов основана выразительность газетных заголовков...

- 1) Каков поп, таков и призыв

- 2) Я люблю этот город, знакомый до слёз
- 3) Павловский пришил кобыле хвост
- 4) Моя милиция меня бережёт
- 5) Потусторонним вход запрещён

A23. Метафора употреблена в предложении (предложениях)...

- 1) Люди с бритыми головами, по замечанию Гаврилова, были невменяемы.
- 2) Имя Олега Ефремова – оттепель нашего искусства, дерзость, неслыханная для тех лет.
- 3) В коридорах власти идёт война.
- 4) Пули из грязи оказались сильнее, чем пули из свинца.
- 5) Прессу захлестнула война компромата.
- 6) Березовский финансировал и интеллектуальных добровольцев – вольных стрелков литературного фронта.

Часть В

Задания с кратким ответом

B1. Запишите однословный термин, обозначающий принятые в общественно-речевой практике образованных людей и рекомендуемые словарями, справочниками и грамматиками правила произношения, словоупотребления, словаизменения, образования словосочетаний и предложений.

B2. Запишите однословный термин, обозначающий тип словаря, дающего справку о произношении, ударении и грамматических формах слов.

B3. Запишите однословный термин, обозначающий коммуникативное качество хорошей речи, выделяемое на основе соотношений речь – цель общения, речь – ситуация общения, речь – адресат и определяемое как содержательная и внешняя согласованность речи с целью и условиями общения.

B4. Запишите однословный термин, обозначающий принятые в данном обществе в данное время порядок и правила речевого и неречевого поведения, обеспечивающие установление контакта, а также поддержание уважительного и доброжелательного общения собеседников в различных ситуациях.

В5. Запишите однословный термин, обозначающий коммуникативное качество хорошей речи, выделяемое на основе соотношений речь – действительность и определяемый как оптимальный выбор лексических средств, употребление слов и сочетаний слов в полном соответствии со словарными значениями.

В6. Прочитайте предложения А, Б, В, Г и выполните задание.

А. Мебели в гостиной почти никакой не было, а стены были покрашены светлой водяной краской.

Б. В комнатах квадратного, стоявшего у болота домика было тихо и пыльно.

В. Паутина висела в углу, и в ней сонно жужжала муха.

Г. В них стоял особенный, грустный и мертвенный запах.

Задание: установите, в каком порядке должны следовать предложения, чтобы получился связный, логичный, ясный и последовательный текст. Ответ запишите в виде последовательности букв (А, Б, В, Г), обозначающих предложения.

В7. Определите функционально-смысовой тип текста (описание, повествование, рассуждение), приведенного в задании В6. Соответствующий термин впишите в область ответов.

В8. Прочитайте текстовые фрагменты А, Б, В, Г, Д и выполните задание.

А. ПОСТАНОВЛЯЮ:

Обнародовать Закон Свердловской области «О порядке получения права пользования участками недр, содержащими месторождения общераспространенных полезных ископаемых, и участками недр местного значения, используемыми для целей, не связанных с добывчей полезных ископаемых, в Свердловской области».

Б. А. У техника первого класса заработка значительно выше...

Б. Чем у начальника цеха?

А. Да//

Б. То есть вы считаете/ что выгоднее работать техником// Вот возьми Котов/ ну премиальные там/ уральские/ набегает кое-что/ да не очень-то много в сумме получается// <...>

В. Отцы и подвижники Святой Церкви напоминают нам, что праздник Рождества Христова – это праздник мира, любви, едине-

ния, братолюбия. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в одном из своих поучений на Рождество Христово приводит слова святителя IV века Григория Нисского: «Ты должен погашать ненависть, прекращать вражду и мщение, уничтожать ссоры, изгонять лицемерие, угашать тлеющее в сердце памятозлобье и вместо него вводить любовь, радость, мир, благость, великодушие. <...>

Г. Состав внутренних зон локальных метасоматитов, в которых формируется месторождение, соответствует по составу региональных аргиллизитов в рудных полях и представлен: а) коалинитом в ареалах каолинитовой фации аргиллизитов, б) монтмориллонитом в ареалах монтмориллонитовой фации и в) иллитом в ареалах иллитовой фации. В промежуточных и внешних зонах локальных метасоматитов, образовавшихся в верхнеюрско-нижнемеловой этап активизации, преобладают смешанослойные минералы. <...>

Д. Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину. Унизительное чувство, неотстанное. И – не беглое, оно не переменяется легко, как чувства личные, повседневные, от мельчайших обстоятельств. Нет, это – постоянный, неотступный гнёт, с ним просыпаешься, с ним проволакиваешь каждый час дня, с ним роняешься в ночь. И даже через смерть, освобождающую нас от огорчений личных, – от этого Позора не уйти. <...>

Задание: определите, какому функциональному стилю принадлежат текстовые фрагменты А, Б, В, Г, Д. Ответ запишите в виде буквы, обозначающей фрагмент, и следующей за ней цифры, обозначающей стиль (образец: К2 Л4 М5 Н1 О4):

- 1) церковно-религиозный
- 2) публицистический
- 3) разговорный
- 4) официально-деловой
- 5) научный

Ф.И.О. _____
№ группы _____

Ответы
Вариант 2

A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12

A13	A14	A15	A16	A17	A18	A19	A20	A21	A22	A23

B1	
B2	
B3	
B4	
B5	
B6	
B7	
B8	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КОРРЕКТУРНЫЕ ЗНАКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ РАЗНЫХ ВИДАХ ПРАВКИ

Все издательские работники должны свободно владеть системой знаков правки и легко пользоваться ими в случае необходимости. Приведем в таблице главнейшие корректурные знаки¹.

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
Исправление букв и знаков		
1. Заменить неверную букву, цифру, знак	Корректурным знаком перечеркивают неправильную букву, цифру или знак, слова от повмонного на поле знака, спрува от него, пишут нушную букву, цифру али знак.	L ~~к~~ Г ~~е~~ 1а Т ~~н~~ Г ~~е~~ Г ~~м~~ Л ~~а~~ И ~~ж~~ 1у
2. Заменить строчную букву прописной	Букву перечеркивают одним из знаков замены. на поле рядом со знаком повторяют нужную букву и подчеркивают ее двумя черточками снизу.	Л ~~и~~ Л ~~и~~
3. Заменить прописную букву строчной	Аналогично описанно-му выше на поле Выносят корректурный знак с буквой, но черточку ставят над буквой.	Л ~~и~~

¹ Приводится в сокращении таблица Н. З. Рябининой. – См.: Словарь-справочник автора. М., 1979. С. 121 и след.

Продолжение таблицы

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
4. Вставить недостающую букву	Знаком замены зачеркивают букву, стоящую перед пропущенной. На поле рядом со знаком пишут зачеркнутую букву и пропущенную.	
5. Выкинуть лишнюю букву	На букву ставят один из знаков замены, этот знак повторяют на поле с добавлением справа внизу знака выкидки (в виде кружочка с идущей вниз волнистой линией).	
6. Поменять местами соседние буквы	Одной половиной знака, похожего на математический знак подобия, охватывают одну букву, другой половиной – другую.	
7. Уменьшить пробел между буквами	Знак ставят в пробел, подлежащий уменьшению.	
8. Уничтожить пробел между буквами	Знак ставят в пробел, подлежащий уничтожению.	
9. Увеличить пробел между буквами	Знак ставят в пробел, подлежащий увеличению.	
10. Сделать пробел	Знак ставят между печатными элементами, где надо сделать пробел.	

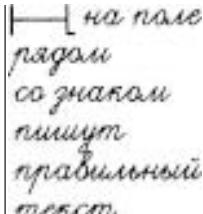
Продолжение таблицы

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
11. Поставить дефис	Дефис вставляют либо с помощью знака замены, либо с помощью специального знака вставки в виде латинской буквы V (если есть какойлибо пробел для вставки). На поле дефис показывают двумя короткими черточками.	
12. Поставить тире	Тире вставляют так же, как и дефис. На поле тире (-) обозначают одной длинной чертой.	
Исправление слов и их частей		
13. Заменить часть слова, слово, несколько слов	Корректурным знаком перечеркивают неверно набранные буквы, слова или незпынько слов; на поле рядом с повторенным знаком указывают правильные эти слова.	
14. Удалить часть слова, слово или несколько слов	Поступают, как и в предыдущем случае, только на поле выносят корректурный знак знак в сочетании со знаком выброски.	
15. Вставить слово или несколько слов	Вместо пропуска знак вставки, на поле рядом со знаком пишут пропущенные слова.	

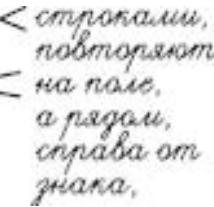
Продолжение таблицы

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
16. Поменять местами соседние слова или группы слов	Применяется знак, что прием и в п. 6; исправления тот же.	ЛП
17. Поставить слова в нужной последовательности	Над словами, охваченными скобками, ставят цифры в том порядке, в котором должны быть переставлены слова. цифры поле ставят Над скобками в необходимой последовательности.	
18. Перенести часть слова, слово или слова, которые тянут надо перенести в другую строку, обводят кружком и от него линию со стрелкой к тому месту, где они должны стоять.	Часть слова, слово или слова, которые тянут надо перенести в другую строку, обводят кружком и от него линию со стрелкой к тому месту, где они должны стоять.	
19. Начать текст с абзацного отступа	В место, где должен быть сделан отступ, ставят знак. В корректуре текстов на латинской графической основе знак абзаца выглядит несколько иначе.	Л Л
20. Набрать без абзаца (в подбор)	От абзаца, который требуется ликвидировать, проводят изогнутую линию к окончанию верхней строки. Тот же знак повторяют на поле.	

Продолжение таблицы

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
Исправления в расположении строк		
21. Заменить строку	Строку, подлежащую замене, перечеркивают знаком, показанным в п. 13.	
22. Переставить одну строку, несколько соседних строк	Строку или несколько и тянут от нее линию со стрелкой к тому месту, где строки, которую хотят переставить, охватывают скобкой она должна стоять. Знак на поле не повторяется, так как он и так находится на нем.	
23. Расставить строки в нужной последовательности	Каждую строку текста охватывают скобкой, от которой проводят линию, рядом обозначающие порядок раз- с которой ставят цифры, — 2 — 1 — 4 — 3	
24. Заменить несколько строк	Корректурным знаком, напоминающим графическое изображение конверта, перечеркивают неправильно набранный текст. На поле рядом с повторенным	

Продолжение таблицы

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
25. Удалить несколько строк	<p>~~Этим же знаком пользуются, когда надо перевернуть формулу, таблицу и другие элементы текста.~~</p> <p>Ненужные строки помечают знаком, указанным в п. 25. На поле знак повторяют с добавлением знака выброски.</p> <p>~~Ненужные строки помечают знаком, указанным в п. 25. На поле знак повторяют с добавлением знака выброски.~~</p>	
26. Вставить строку или несколько строк	<p>Применяют знак вставки, но в положении лежа, т. е. помещают его между вписываю необходимый текст.</p>	

Продолжение таблицы

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
		Исправление технических дефектов набора
27. Выровнять пробелы		Во все ~~з~~ пробелы, отступающие ~~з~~ от нормы, ставят знак в виде вытянутой рукописной буквы ~~з~~ «г». На поле знак повторяют три раза.
28. Пробелы между строками увеличить или уменьшить		Применяют знаки увеличения или уменьшения пробела, располагая их горизонтально. На поле знаки не повторяют.
29. Исправить перенос		В данном случае применяется знак, которым пользуются для переноса слова или группы слов из одной строки в другую. Букву или слог на переносе обводят кружком и линией со стрелкой показывают, куда перенести.
30. Подвинуть строку (или несколько строк)		Если нужно подвинуть строку до определенного предела, место, до которого она должна доходить, помечают вертикальной чертой, упирая в нее маленькой стрелкой. Предел, до которого нужно подвинуть или растянуть строку, разрешается обозначать и дугой с вертикальными линиями по краям.

Окончание таблицы

Указание	Отметка в тексте	Отметка на поле
31. Уничтожить «коридор»	Исправляют «коридор», т. е. совпадение пробелов по вертикали в нескольких смежных строках, следующим образом: в «коридоре» проводят две вертикальные черты, повторяют их на поле и перечеркивают поперек.	X
32. Отменить сделанное исправление	При отмене исправления под пометкой в корректурном оттиске ставят ряд точек, а корректурный знак с исправлением на поле перечеркивается.	X

Знаки вставки

Буквы	V
Слова, нескольких слов	{}
Нескольких рядом стоящих предложений	<○○

Знаки перестановки

С одного места на другое в пределах одной страницы (через одну или более строк)	○○○
С одной страницы на другую	○○○

Текст после исправлений, сделанных литературным редактором, выглядит примерно так²:

 Все привыкли представлять Петра Первого большим дельцом, чем мыслителем. Таким необыкновенно ~~но~~ видели его и современники. Жизнь Петра ~~сложилась так~~ что давала ему мало ~~распоря~~ ^{себя} времени заранее и неторопливо обдумывать план действий, ~~за~~ и темперамент мало внушал ~~охоты~~ к тому. Спешность дел, несумесие, а иногда и невозможность выжидать, подвижность ума, необычайно ~~стря~~ наблюдательность — всё это приучило, Петра задумывать без раздумий, без колебаний решаться, обдумывать дело среди самого дела и, чутко угадывая требования минуты, на ходу соображать средства исполнения, ~~затуманненое~~, ~~отчетливо же~~ В деятельности Петра все эти моменты, так ~~чрезко~~ различимые ~~как бы~~, досужим размышлением и словами рассыпающиеся при раздумье, ~~(дружно, точно,~~ ~~шли всегда вместе, будто~~ вырастая один из другого, органический ~~им~~ жизненной нераздельностью и последовательностью. Петр является перед наблюдателем в бесконечном потоке разных дел, в постоянном деловом общении со многими ~~людьми~~, среди непрерывной смены впечатлений и предприятий; всего труднее ~~сами~~ вообразить его наедине ~~с собою~~, в уединённом кабинете, а не в ~~шумной и людной мастерской~~.

² Правка-вычитка сделана по следующему источнику: Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников // Ключевский В. О. Собр. соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 8. С. 314. Задимствуем иллюстрацию из книги: Гужкова И. К. и др. Литературное редактирование: Материалы для занятий. М., 1978. С. 144.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

РЕДАКТИРОВАНИЕ ТЕКСТА

Задание 1

Сделайте корректорскую правку текста (правку-вычитку), пользуясь специальными знаками. Поля используйте для указаний верстальщику.

Текст 1

В двадцатилетнем возрасте Сергей отважился начать огромную картину и отдал ей четырех лет. Дело здесь даже не в размерах полотна а в творческий смелости взяться за тему гражданского большого т звучания и решить ей живописными средствами,. Мучительные сомнения, поиски материала в музеях и библиотеках/. Лешендрорное ледове побоище силой воображения перенесено Сергеем При секином сталом здимым и зрителям. Картина это не бесстрастная скрупулезная реконструкция события, а смелое приближение в далекую Эпоху, чтобы приблизить её. Любовь к Детали, стремление к точности, привели художника в фонды музейных, Каждый щлем, щит и меч имеют свой образ, каждая засыпка на плите воина и опирение стрелы увиданы цепким глазом художников.

ИТОГ:

Количество найденных орфографических ошибок и опечаток _____

Количество исправленных речевых недочетов _____

Текст 2

Однажды из самых известных Американских мастеров вступил в поединок с верховой лошадью и победил её на дистанции 80 километров, проложенных в ПУСТЫНЕ аравийского Полуострова, недалеко от абу-Даби. 42-летний Том Джонсон опередил на 10 секунд коня кличке Аль-Баррак, несмотря то, что последние 16 километров дистанции конь прошёл галопом. Такая лошадь, как Аль-

Баррак проходит 80 километров по пустыне за 5 часов. Однако, правила проведения соревнований предусматривают, что лошади должны за это время дважды остановиться и отдохнуть.

Этим «правилом о первые» воспользовался Джонсон Том. Он пил пиво и принимал прямо на бегу, что и дало бегуну фору.

ИТОГ:

Количество найденных орфографических ошибок и опечаток _____

Количество исправленных речевых недочетов _____

Текст 3

Пейзаж – один из компонентов *мира* литературного произведения, изображение изображение не замкнутого пространства (в отличии от *интерьера*, т. е. Изображение внутренних помещений). В совокупности пейзаж и интерьер воссоздают среду, по отношению к **человеку** Внешнюю.

При этом может подчеркиваться условность границ между пейзажем и интерьером. Так в стихотворении С. А. Пушкина Зимнее утро герой и героиня находятся в комнате, но в окно «под голубыми небесами» видны «великолепные ковры» снега. Пространства оказывающиеся по разным сторонам границ, могут быть только не разделены, но и противопоставлены (в частности, в связи с мотивом заточения, например, в стихотворении «узник» Пушкина). Традиционно под пейзажом

Понимается изображение природы, но это точно не совсем, что подчеркивает смысла энтомология (фр. Paysage, от pays – страна, местность) и что, к сожалению, редко учитывается в понятиях определениях. Как справедливо указывает Щемелева Л. М., **пейзаж** – Это описание «любого не замкнутого пространства внешнего мира». За исключением так называемого *дикого пейзажа*, описание природы обычно вбирает в себя *образы вещей*, созданных человеком.

ИТОГ:

Количество найденных орфографических ошибок и опечаток _____

Количество исправленных речевых недочетов _____

Задание 2

Пользуясь техническими знаками, сделайте правку-сокращение информационной заметки, оставив только ключевую и уточняющую информацию.

Текст 4

ТАМОЖНЯ – ДЕЛО ТОНКОЕ¹

Екатеринбург. Эдуард Россель имел телефонный разговор с председателем Таможенного комитета РФ Михаилом Ваниным.

Губернатор рассказал ему о рабочем совещании проведенном им по ситуации, складывающейся вокруг Кольцовской таможни. В ходе разговора была достигнута договоренность о необходимости в самое ближайшее время стабилизировать положение дел на таможне в аэропорту Кольцово. Эдуард Россель направил Михаилу Ванину докладную о ходе проверки, которую в спешном и почему-то авральном порядке проводили в Кольцово сотрудники ГТК РФ. Эдуард Россель и Михаил Ванин договорились о проведении совместного совещания, на котором должны будут расставлены все точки над «и».

Задание 3

Пользуясь техническими знаками, сделайте правку-переделку краткого очерка. Озаглавьте текст.

Текст 5²

Четыре года назад в Историческом сквере Екатеринбурга мне довелось снимать один из вариантов гипсовой скульптуры Петру I, выполненную тогда еще студентом Уральского архитектурно-художественного института Геннадием Ивановым.

Бюст был установлен на мраморном постаменте (чудом сохранившемся до наших дней) прежнего памятника российскому императору-реформатору, низвергнутому «мудрецами» «красного колеса».

И вот окончательный вариант выпускника Г. Чехомова в чугунной отливке каслинских мастеров под руководством директора Музея истории архитектуры промышленной техники Урала Гали-

¹ Приводится по: Майданова Л. М. Литературное редактирование: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2001.

² Там же.

ны Васильевны Тюменевой и при участии оператора областного телевидения и двух журналистов газет. накануне Дня города Екатеринбург «Петр Великий» возвращается на свое место.

Много было слухов, что на памятник нет денег, что отливку каслинского завода покупает С.-Петербург. Но город взял все расходы на себя. Власти и мэр.

Не дав посрамить себя, 15 августа, в День города, они приняли участие в открытии памятника. Город отметил свое рождение, и отметили екатеринбургцы и второе рождение «Великому российскому императору». Справедливость восторжествовала. Бюст Петру I стоит пока в Историческом сквере как музейный экспонат. Уверен, придёт время, и он будет установлен на более достойном месте или даже там, где стоял прежде. Ведь именно Петру Великому город обязан своим рождением.

Задание 4

Транспонируйте текст 6: проведите правку-обработку, цель которой – придать тексту качество устности и разговорности, что облегчит его восприятие на слух. Озаглавьте текст. Правя его, следуйте рекомендациям.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Для придания тексту качеств устности и диалогичности (разговорности) путем правки-обработки нужно, не меняя замысла автора, содержания текста и (по возможности) его лексики, работать преимущественно с синтаксическими и морфологическими стилистическими признаками, отличающими письменную книжную речь от устной разговорной. Для этого необходимо хорошо знать черты синтаксиса разговорной речи³.

³ С ними вы можете ознакомиться по разделам: Кожина М. Н. Разговорно-бытовой стиль // Кожина М. Н. Стилистика русского языка, М., 1977. С. 207–219; Она же. Стилистические ресурсы синтаксиса // Там же. С. 139–157; Рассказ-воспоминание // Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М., 2001. С. 307–309; Дневниковые записи // Там же. С. 322–325; Основные стилистические черты разговорной речи // Стилистика и литературное редактирование / Под ред. В. И. Максимова. М., 2004. С. 68–71; Синтаксис разговорной речи // Там же. С. 71–76; Борисова И. Н. Функционально-смысловые типы текста в разговорном диалоге // Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М., 2005. С. 212–233 (или: Екатеринбург, 2001. С. 279–311).

Техника правки-обработки (книжность > устность)

- * Заменить деепричастные и причастные обороты придаточными подчинительными или словосочетаниями.
- * Заменить специальные термины синонимами или дать им простые толкования.
- * Заменить отглагольные существительные глаголами, от которых они образованы.
- * Упростить сложные синтаксические конструкции (с несколькими придаточными, осложненными обособлением, длинными рядами однородных членов) до нескольких простых с ясными логическими связями или бессоюзными предложениями.
- * Ввести перед значимыми для логики текста утверждениями риторические вопросы.
- * Ввести эксплицитные логические связки, четко обозначить последовательность аргументов.
- * Допустимо изменять порядок слов, придавая высказыванию экспрессивность, не противоречащую авторской оценке и общей тональности текста.
- * Допустимо ввести частицы, бессоюзные конструкции, побудительно-контактирующие формы глаголов (представьте себе, давайте сравним).
- * Основную мысль текста можно повторять с перифразированием.
- * Возможны и другие преобразования, отвечающие стилистическим признакам разговорности и не вносящие искажений в смысл текста.

До и после обработки

Книжно-письменный вариант	Устно-разговорный вариант
Это постоянное ожидание катастрофы в Петербурге, «возникшем над бездной», в сочетании с внешним его блеском и пышностью, доходящими до театральности, давало постоян-	Замечали ли вы, что в русской культуре и литературе Москва и Петербург – города-антагонисты? Почему? Петербург, по словам поэта, – город, «возникший над бездной». И дей-

Книжно-письменный вариант	Устно-разговорный вариант
ное ощущение некой призрачности города и нереальности его. Петербург воспринимается как город фантастический, обманчивый, неуловимый, ускользающий, его постоянно сравнивают с грёзой, миражом, видением – в противовес трезвой и будничной Москве. (50 слов)	ствительно: с одной стороны, Петербург – город пышный, блестящий, театральный, а с другой – призрачный, нереальный. В русской литературе Петербург предстаёт обманчивым и неуловимым, ускользающим. Это грёза, мираж, видение. Москва же, напротив, повседневна: она кажется обыденной, суетливой и будничной. (60 слов)

Текст 6

Противопоставление Москвы и Петербурга, традиционное в русской культуре со времени появления на свет Северной столицы, предполагает ряд одних и тех же парадигм, казалось бы, незыблемых. Всегда подчёркивалось, что Москва – это город выросший сам собой, естественно, стихийно, а Петербург был воздвигнут по воле одного человека, возникнув в сказочно короткий срок и на пустом и ровном месте.

Петербург появился как дерзкий замысел, наперекор стихии, «назло надменному соседу», и потребовал неимоверного напряжения сил от народа, возводившего этот «парадиз» на невских болотах. Петербург был европейским городом, но воспринимался при этом как символ и воплощение жесточайшего азиатского деспотизма, без которого он не мог бы и появится на свет. Эта победа над стихией придала какой-то зыбкий и двусмысленный колорит самому городу; в его основании уже лежал изначальный порок и изъян; и на всём протяжении петербургской истории не было недостатка в мрачных пророчествах о его скорой и неминуемой гибели.

Москва, напротив, воскреснув как Феникс из пепла, после на полеоновского пожара, казалась городом вечным, черпающим свои

силы в самом себе, в отличие от Петербурга, поддерживаемого только насилием.

И вместе с тем искусственность появления города давала ощущение чрезмерной правильности, выверенности, рациональности, регулярности, геометрической прямолинейности Петербурга, особенно заметными по сравнению с хаотичной, разбросанной и беспорядочно застроенной Москвой. Петербург был первым городом России, и Москва рядом с ним казалась огромной деревней, но деревней милой, уютной и хлебосольной, в отличие от холодного, туманного и неприветливого Петербурга.

(По Т. Бурмистрову)

Содержание

От составителя	3
Семинар 1. Проблемы ортологии	4
Материалы к семинару	
Ширяев Е. Н. Культура речи как особая дисциплина	6
Едличка А. Типы норм языковой коммуникации	11
Ицкович В. А. Норма и ее кодификация	15
Граудина Л. К. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы	22
Граудина Л. К. Лингвистическая прогностика: методы кодификации нормы	27
Щерба Л. В. О разных стилях произношения	31
Карасик В. И. Культурные доминанты в языке	36
Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи	37
Семинар 2. Социологические проблемы культуры речи	43
Материалы к семинару	
Граудина Л. К. Регулятивный аспект культуры речи: языковая политика	46
Ширяев Е. Н. Культура речи и языковая ситуация	52
Беликов В. И., Крысин Л. П. Основные понятия социолингвистики	56
Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города	66
Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города	68
Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании	70
Стернин И. А. Общение и культура	74
Карасик В. И. Этикет как норма	76
Вежбицкая А. «Личности», сформированные культурой	79
Костомаров В. Г. Языковой вкус	84
Приложение 1. Тесты. Культура речи и стилистика	89
Вариант 1	89
Вариант 2	98
Приложение 2. Корректурные знаки, используемые при разных видах правки	107
Приложение 3. Редактирование текста	116

Учебное издание

ОСНОВЫ СТИЛИСТИКИ И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Материалы к семинарским и практическим занятиям
для студентов III курса филологического факультета

Составитель
Борисова Ирина Николаевна

Редактор и корректор С. Г. Галинова
Компьютерная верстка Н. В. Комардиной

Оригинал-макет подготовлен
редакционно-издательским отделом университета

План выпуска 2006 г., поз. 78. Подписано в печать 08.12.2006.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 6,35. Усл. печ. л. 7,2. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.